Николь. Душа для Демона

Автор:
Мира Шторм

Николь. Душа для Демона

Мира Шторм

Что делать, если ты оказалась в теле чужой игрушки, а новый мир жесток и пропах войной? Как быть, если единственный мужчина, тронувший сердце, вдруг обернулся против тебя и вынес смертный приговор? Разрешить древней, забытой магии проснуться в ладонях. Идти своими тропами и верить в себя. Бороться за все, что тебе дорого, даже если придется сражаться с Демоном, которого так сильно когда-то любила.На обложке рисунок автора.

Пролог

…Небеса не дают второго шанса случайно.

Его дарят лишь для того,

чтобы что-то изменить в своей судьбе.

Или в судьбе кого-то еще.

В родовых землях Юндай лето всегда было робкое и быстро сдавало позиции осени, приносимой ветрами с пролива. Вот и сегодня, несмотря на начало августа, небо хмурилось октябрьской свинцовой тяжестью, а деревья покорно роняли свои первые листья. На пологих склонах холмов сгущался промозглый туман и сползал в долину, где среди столетних дубов стоял белоснежный замок,

опоясанный стеной. Из тени последнего дерева вышел старик и медленно, слегка подволакивая ногу, направился к портальной площадке в центре заросшего поля.

Из замка за его спиной доносились жалобные стоны, переходящие в крик, отчего старик каждый раз жмурил глаза и качал в досаде лысой головой. Надо же, какие громкие звуки способно издавать хрупкое женское тело, аж зубы сводит.

Каменный круг, выложенный из плотно пригнанных плит мрамора, был весь засыпан пожухлой листвой, принесенной ветром из рощи. Старик, кряхтя, опустился на колени и принялся ладонями сметать листья, закрывающие фамильный герб рода Юндай. Хозяин сейчас приедет. Разве ж это дело – встречать его бардаком? В этом замке, как, впрочем, в жизни Джантара Юндай за последние дни и так получилось слишком много беспорядка.

Через несколько минут с мраморной плиты в центре круга на хмурое небо взглянул дракон в окружении сложной рунической вязи. Изогнутое чешуйчатое тело, огромные крылья, расправленные, будто в полете. Старому слуге нравилось ощущать свою принадлежность к такой великой семье, оттого и было так горько и больно видеть, как целый род стремительно падает в пропасть. Удивительному дракону подбили крылья.

Пять дней назад главу рода Макинсая Юндая, первого советника императора, арестовали по обвинению в убийстве наследника страны. И теперь все ждали, когда же Джантар, его знаменитый сын, покинет страну, сбежит. До суда, быть может, его не тронут, но потом неминуемо казнят вслед за отцом. Старик покачал головой и бережно огладил завитки мраморного дракона: да разве ж герой войны покинет родину, за которую столько лет сражался на границе? Нет, Джантар не сбежит с поля боя. И за свой род будет драться до последнего. Даже если из этой схватки у него нет шансов выйти живым.

Старик давно уже смотрел в лицо смерти, подступающей к нему все ближе, но впервые ощущал себя таким беспомощным. С кончика его носа на мраморные плиты капали слезы, а из замка все летели и летели пронзительные крики. Они вспарывали пасмурный воздух до самых облаков и разлетались там на миллионы осколков. Вечернее небо над долиной ворчливо отвечало рокотом приближающейся грозы.

Когда по размазанному чернотой горизонту засверкали первые молнии, арка портала наконец сверкнула молочным перламутром и выпустила высокого мужчину в военных одеждах. Острый ветер тут же врезался в его широкую спину, взметнул полы плаща и сердито швырнул гостю в лицо жалобные вскрики, подхваченные у замка. Мужчина вздрогнул и нахмурился.

– Это сьяринта? – спросил он у слуги, прижавшего лоб к холодным камням портального круга.

– Да г-господин, – ответил старик.

Джантар выругался сквозь зубы, взмахом ладони закрыл портал и поспешил к замку. Парадный вход, каменные ступени, дубовые двери. Ну же, быстрее. Отмахиваясь от учтивых рук дворецкого, он рявкнул:

– Где она?

Тот поклонился и засеменил к невзрачному проходу, ведущему в крыло прислуги. Джантар Юндай двинулся за ним. Под его тяжелыми сапогами гулко загремели опустевшие коридоры. Он шел навстречу женским стонам, туда, где в полутемной душной комнате на влажных простынях вздрагивала и бессильно металась его сьяринта. Обнаженная и растрепанная, она то невнятно стонала, то пронзительно вскрикивала. В неверном свете чадящих свечей тускло блестела ее жемчужная кожа, покрытая пленкой пота, влажные пряди сьяринты беспомощно цеплялись за лоб и виски.

По углам стояли чаши с водой, в которой плавали листья священной каливы. На стене прямо над изголовьем был нарисован узловатый знак шиарсанн, призванный оградить жилище от демонов – в этой комнате, похоже, бестолково пытались изгнать бесов, вместо того чтобы оказать настоящую помощь.

Джантар досадливо скривился и шагнул к кровати. Подхватил дрожащую сьяринту, закутал в теплый плед и процедил сквозь зубы служанке, которая незаметно шептала молитвы в углу комнаты:

– Найди Мансея, татка, пусть придет ко мне.

И вынес драгоценную ношу из темного полуподвального помещения, в котором даже дышать было нечем. Не чувствуя тяжести в руках, не видя ничего вокруг, он взлетел по лестницам и ворвался в свои покои, в которых разжигали камины и спешно наводили порядок.

– Потерпи, потерпи, – бездумно прошептал он и внес сьяринту в умывальню, где татки уже наливали в чугунную ванну чистую воду.

Джантар усмехнулся. Такие проворные и исполнительные, они моментально наполнили его комнаты теплом заботы. Новые простыни, свежие полотенца, горящие камины. Все, чтобы угодить господину с дороги. Привычная рутина им давалась легко, а перед новой задачей они беспомощно топтались, как сломанные куклы, не способные проявить сообразительность. Лишь нелепые попытки изобразить деятельность в виде суеверных ритуалов.

Где Мансей? Почему сьяринте до сих пор не дали сонное молоко? Словно глупые сороки, татки блестели своими любопытными черными глазами и ожидали его приказов. Совершенно не умеют думать.

Джантар сердито сжал зубы, раскутал всхлипывающую сьяринту и опустил в воду. Одной рукой он придерживал ее за шею, не давая захлебнуться, другой доставал из поясной сумки белый флакон в пеньковой обвязке.

У любого воина всегда есть с собой лучшее средство от боли – сонное молоко, которое затуманивает разум и позволяет отключиться от мучительных страданий. Правда, плата за него большая – с каждым разом возвращаться все сложнее и страшнее. Реальность становится чуждой и ранящей, а края забвения заманивают притягательной сказкой, туманя разум. Спасительный и разрушительный наркотик.

Открутив пальцами крышку, он поднес флакон ко рту сьяринты. Всего несколько капель. Для нее достаточно.

Джантар мягко обтирал ее тело губкой, наблюдая, как боль уходит и отпускает свою жертву из раскаленных тисков. Размягчились черты, разжались кулаки. Дыхание стало спокойнее.

– Как давно она в таком состоянии? – спросил он у оставшейся татки, замершей на коленях у двери.

Та испуганно шевельнулась и поклонилась, касаясь лбом каменного пола:

– Несколько часов, господин, – раздался тихий ответ.

Джантар удивленно перевел взгляд с татки на расслабленную сьяринту. Быть такого не может! Он достал безвольное тело из воды и понес ее в спальню, где щедро разливал тепло разожженный камин.

– Помоги, – велел татке Демон.

Та поклонилась и сноровисто принялась обтирать побледневшую кожу сьяринты пушистым полотенцем. Пока они возились, в комнату вошел грузный мужчина, едва стоявший на ногах. От него несло дешевым пойлом. Он обвел комнату мутными глазами и насмешливо взглянул на Джантара.

– Примчался, значит. – Мужчина неопределенно покачал рукой в воздухе и, шатаясь, двинулся обратно в гостиную.

Уверенно, хоть и неустойчиво, подошел к бару – сейчас Джантар начнет ругаться, как пить дать. Самое время налить рюмочку, решил Мансей, цапнул дорогую бутылку и плеснул себе из чужих запасов.

– Всё, брысь, – раздраженно мотнул головой Джантар татке[1 - Т а т к а – служанка, женщина принадлежащая к одному из сестринских сообществ сформировавшихся по профессиональному принципу.].

Он был зол на нее, на всех ее «сестёр». За то, что они безропотно жались по углам и позволили его сьяринте кричать от боли, обкуривая своими бесполезными травами. Суеверные овцы!

Джантар нежно провел пальцами по безупречному лицу своей сьяринты, прислушался к ровному дыханию и вышел из спальни. Прислонился спиной к стене рядом с проходом, чтобы иметь возможность видеть фигурку в постели, и мрачно оглядел Мансея.

Нет безобразнее зрелища, чем воин, потерявший голос крови. Дядя, живший в восточном замке с разрешения старшего своего брата, отца Джантара, был омерзительно пьян. В грязной засаленной одежде, с немытой спутанной бородой, он вызывал отвращение. Разве человек, не следящий за собой, может научить уму-разуму стайку глупых служанок?

– Кто ее вызвал? – задал он первый вопрос из списка, который сформулировал, пока омывал свою сьяринту.

Мансей беспомощно развел руками, покачнувшись. Потом грузно опустился в кресло и прикрыл глаза.

– Помощник садовника, – выдохнул он пьяно и замолчал, многозначительно причмокнув губами.

Джантар намек понял. Бросил короткий взгляд на спящую сьяринту и прошел к бару. Экая наглость, похоже дядя уже успел приложиться к Золотистому Дракону. Ну уж, нет, обойдется. Все равно в таком состоянии не отличит аракинский бренди от местного пойла. Джантар налил на полтора пальца простого дженского ликера и протянул Мансею.

Тот благодарно кивнул и залпом выпил. Демонстративно вздохнул, извернулся и достал из заднего кармана два камня на веревочках. В одном из них Джантар сразу распознал амулет внушения, хоть и видел его лишь однажды – настолько они были редки. Сложное и безумно дорогое изделие. Тот, кому надевают заряженный артефакт, становится невероятно восприимчив к внушению – ему в подсознание можно наговорить программу действий на неделю вперед.

Джантар подхватил оба камня и внимательно рассмотрел. Увы, никаких признаков настоящего владельца на амулете внушения не было.

– Что с ним?

Мансей пожал плечами. В вопросе не было смысла. Парень, если и не умер, то наверняка превратился в слюнявого идиота, ведь разум исполнителя после завершения программы выгорал начисто.

– Кому понадобилось тратить целое состояние лишь на то, чтобы вызвать мою сьяринту? Без возможности даже воспользоваться ею.

– Хороший вопрос, – ответил Мансей, закрыв глаза, – вот скажи мне, почему ты здесь?

– Потому что Оми прислал вестник… – начал говорить Джантар и осекся.

Он действительно совсем не подумал о ловушке… просто потому что и не думал скрываться или сбегать.

– А это что? – спросил он, разглядывая в свете огня камина второй амулет – странный голубой полупрозрачный самоцвет с искрами внутри.

– Камень души той, что сидит сейчас в теле твоей игрушки.

– Необычный какой-то. Ты уверен?

– Более чем.

– Как долго она в таком состоянии?

– Полдня, – от неожиданного ответа Мансея зашевелились волосы даже на гладко выбритом затылке Джантара.

– Не может быть!

Мансей открыл глаза и совершенно ясно ответил:

– Твоя мерзкая игрушка орет уже несколько часов. Я не знаю, кому вздумалось вытащить ее на свет божий. Но знаю, кому давно следовало этот блудливый ужас закопать.

Джантару стоило огромных усилий молча проглотить его слова. Не время и не место для гнева. Мансей тяжело поднялся, мутным взглядом прошелся по полке с бутылками, досадливо поморщился и направился к выходу:

– Зря ты сюда явился, Демон. Утром пришел вестник: разыскивали твою мать. Она отбыла во дворец сразу после завтрака. – Дядя поднял руку и смешно покачал пальцем. – Как думаешь, насколько быстро они захотят и тебя увидеть? Сделай милость нам обоим – не задерживайся в замке. Если надумал скрываться, то и скрывайся дальше. А лучше покинь страну, тебе здесь уже нечего делать.

Джантар тяжело втянул воздух и проводил спотыкающуюся фигуру покрасневшими глазами. А потом долго стоял, опираясь ладонями на колени. Ждал, когда рассвирепевшая кровь перестанет пульсировать в висках, а из глаз уйдет алый отсвет – признак приближавшейся боевой трансформации, от которой Джантар с трудом удержался. Круг сжимался. Вот и мать уже посадили под замок.

На негнущихся ногах он дошел до купальни и окунул голову в остывшую воду. Медленный счет до ста, стиснутый в легких вдох, снежный шум в ушах. Спустя две минуты Джантар поднялся и жадно втянул воздух, наслаждаясь прохладными ручейками воды, стекающими по спине. На его небе звезды определенно погасли все разом.

– Боги прогневались, – вздрогнул он.

А ведь когда-то все было прекрасно.

Лучший выпускник боевой академии, гордость отца, входящего в Совет Семи при императоре.

Бывают моменты, когда кажется, что над тобой все звезды выстроились в ряд. Жизнь налаживается, и все становится таким, каким и должно быть. Неприятности случаются, но все возникающие проблемы просты и решаемы. Так было и у Джантара несколько лет назад.

После выпуска лучшее место службы для его боевой десятки. Самая прекрасная девушка рядом. Невероятная Акина. Демон до сих пор помнил ее звонкий смех. Гибкая и сильная, прекрасная партнерша по спаррингам, если, конечно, себя сдерживать. Она брала ловкостью и стремительностью, недоступными большинству мужчин. И такая же гибкая, но уже мягкая и податливая Акина сводила его с ума в постели. Вся жизнь с ней была похожа на восхитительную драку: в словах, в боях, в сексе. Каждый раз она покорной кошкой ложилась у

его ног, даря победу с терпким привкусом поражения перед ее красотой и жизненной силой.

Демон сначала со смехом встретил ее предложение заключить магический договор на соа-сьяринти. Казалось странным думать о том, что будет после чьей-либо смерти. Бессмысленно. Однако Акина нежно и неумолимо возвращалась к этому разговору. Покорно обнимала колени возлюбленного, щекотала языком бедра и уговаривала на соа-сьяринти, договор, позволяющий после смерти человека создать куклу – тень, похожую на своего погибшего хозяина. Демон зарывался в ее волосы, подставляясь под умелые ласки, и в конце концов сдался.

«Да, любовь моя, будет тебе соа-сьяринти».

Они выкроили время и посетили мага в столице. Спустя несколько часов вышли, держа в руках по темно-фиолетовому фиалу. И было в этом что-то удивительно интимное, глубокое. Словно не посмертные игрушки подарили друг другу, а брачный обряд прошли. И слова «до самой смерти» обрели иное звучание. А сами фиалы соа-сьяринти стали символизировать для влюбленных обручальные кольца. Сумасшедшая Акина – у нее все было не как у людей. Обменяться посмертными тенями вместо колец – в духе войны. Так им тогда казалось.

А потом пришла смерть. Из боевой десятки Джантара в живых остались только шестеро, и те не на ногах. И боль от ран показалась Демону незначительной по сравнению с тем адом, что разверзся у него внутри, когда он своими руками поджигал погребальный костер под телом Акины. Она бросилась в самую гущу боя, чтобы прикрыть Джантару спину, против его приказа, но по велению сердца.

Несколько недель он ходил вокруг фиала с тенью погибшей любимой. Жестко брал женщин, пытаясь в чужом теле растворить тоску. А потом снова сдался. За немыслимые деньги равнодушный маг создал ему сьяринту – точную копию Акины. Куклу для утех, игрушку на час. С помощью камней душ можно вселить призванную суккубу на час и забыться в родном теле, раствориться в правильных запахах и ловить ртом знакомые стоны. Вырвать из лап смерти свою любовь хоть ненадолго.

Удовольствие оказалось весьма дорогим, но у Джантара не было проблем с деньгами. Жадная до эмоций, суккуба набрасывалась на него, превращая секс в такую знакомую ему борьбу.

Но как же страшно было, когда спустя час живое и податливое тело вдруг деревенело и падало хладным кулем на простыни. Тошнотворный ужас охватывал Джантара каждый раз, когда он сначала шептал имя любимой, а потом обнимал холодное тело своей Акины. Словно раз за разом терял её. Воин не выдержал и спрятал свою куклу в подвале замка под магическими печатями. Может, надо было уничтожить ее, отпустить, наконец, потерянную любовь. Да рука не поднялась.

Знала ли беспечная Акина, каково это на самом деле: иметь игрушку, созданную по образу и подобию того, кого любил и не можешь забыть?

Джантар больше не возвращался в восточный замок. Его боевая группа, разросшаяся до полусотни, прослыла самой свирепой на границе. Остальные отряды признавали за ним главенство. Неофициальный лидер, он учел ошибки прошлого, за прошедшие три года не случилось больше напрасных потерь. Беспощадный к врагам Джантар искупался в таком количестве крови, что, казалось, его глаза скоро навечно станут алыми. Джантара прозвали Демоном. Политика отца, направленная на мирное урегулирование, и жесткий отпор на границах привели к тому, что во всем Гоанке воцарилась непривычная тишина.

Ему казалось, что он справился. Смирился с потерей Акины, научился жить дальше. Почти забыл о спрятанной в подвале игрушке. Всего себя отдал службе.

И вдруг пять дней назад небо над ним пошатнулось и стало заваливаться с ужасающей скоростью. Враг внутри страны. На единственного наследника семилетнего Тойко и жену правителя Данкэ было совершено нападение. Растерзанные тела нашли поутру прямо во дворце в детских покоях. Страна содрогнулась, ибо правитель стар, а вокруг голодные гиены, готовые накинуться на добычу, едва она проявит слабость. Рядом с телами лежал кинжал Макинсая Юндая, а слуги рассказывали, что видели его незадолго до предполагаемого момента убийства на женской половине императорского дворца, где и жила Данкэ со своим сыном. Отца Джантара – главу одного из Семи старейших родов Гоанка, советника и друга императора – немедленно взяли под стражу.

Джантара же сразу отстранили от службы. Спасибо, что не посадили. Но кто знает, если сегодня забрали мать, то и у него, судя по всему, не так уж много осталось времени.

Четыре дня он метался по стране, тратя портальные камни, пытаясь найти зацепку, которая могла пролить свет на происходящее. В невиновности отца он не сомневался. Не мог Макинсай, так отстаивающий право страны на мирную жизнь, обезглавить ее, убрав единственного наследника. Несомненно, это происки врагов: лишить правителя сына и верного советника одним ударом. Осталось разобраться – внешних или внутренних. И когда картинка начала складываться, пришел сигнал от старого слуги. Кто-то посмел залезть в его хранилище и разбудить сьяринту.

Он стянул влажную рубашку, промокнул волосы и тело полотенцем и вернулся в спальню. Там по-прежнему дышала сьяринта. Невероятно, до мурашек по коже. Он распахнул окна и втянул свежий воздух. Ветер пробежался по голой коже и влетел в комнату, тревожа огонь в камине. Почему она дышит? Почему иногда дрожат ее ресницы и бегают под веками глаза?

Суккуба дает тепло телу, пускает силу по венам, насыщает тень иллюзией жизни. Но лишь на короткое время. Что же случилось теперь? Все дело в странном камне душ? Может, научились делать более мощные? Признаться, он впервые видел голубой. Обычно камни душ красные или бордовые. Приверженцы темных ритуалов используют черные. И суккубы были самыми безопасными духами, которые можно было вызвать из нижнего пласта мироздания. Да и то, насколько знал Джантар, ни один дух не способен существовать в настоящем мире долго. Час, максимум два. Что же изменилось теперь?

Джантар обернулся и посмотрел на спящую фигурку. У той трогательно дернулся мизинец руки во сне. Он не выдержал, подошел к кровати и откинул простыни. Безупречная кожа сьяринты покрылась мурашками под поцелуями прохладного воздуха. Съежились, заострились соски. Мужчина тяжело вздохнул и накрыл обнаженное тело обратно. Пора уходить.

Через полчаса Джантар покидал замок с завернутой в простыни сьяринтой на руках. Следом за ним до портала шел старик, что встречал его у портального круга. Он, наклоняясь навстречу ветру, нес две сумки, наполненные вещами.

Демон решил: домик в горах у начала Белых Земель – отличное место, чтобы сжечь прошлое и уничтожить тень Акины, стоящую за его спиной. Каким бы странно долгим ни оказался этот призыв сьяринты, он дождется, когда кукла одеревенеет, и разведет погребальный костер в надежде, что во второй раз, да спустя столько лет, поджечь его будет не так сложно.

***

И сказал мне ангел:

– Чуть-чуть продержись, я завтра подарю тебе новую жизнь.

Помню взрыв длиною в вечность. Было совсем не больно. Просто вдруг заложило уши, и мир начал рассыпаться на серые хлопья. Ослепительная волна накрыла белой простыней глаза, скрывая тошнотворный вид обугливающихся рук. Что же ты натворил, человек.

Я, словно заезженная пластинка, переживала последние мгновения. Тишина-темнота. Тишина-темнота. Цеплялась за них, как за якорь. Чтобы помнить о том, что когда-то видела мир и слышала звуки. Мне чудилось, будто стоит только отказаться помнить страшные кадры – мгновенно растворюсь в пустоте. Я потеряла себя: нет тела, нет ощущений, нет воспоминаний. И эти две секунды заменяли мне биение сердца. Тишина-темнота. Ту-тум. Мой взрыв длиною в вечность. От меня остались лишь два слова – тишина-темнота. И глупая вера.

Тишина-темнота… Ту-тум… Ту-тум…

А потом пришла боль. Не та страшная, от которой хочется бежать, а ласковая, правильная. Словно к онемевшим, одеревеневшим мышцам вдруг приливает кровь. Покалывающая, сводящая с ума своей тягучестью боль дарила ощущение меня самой. Присутствия тела. Живительные волны судорог.

Я вцепилась в эту боль, возвращающую мне жизнь. Ощущала, как каждая клеточка тела делает болезненный первый вздох. Как пульсировали пересохшие сосуды, наполняющиеся кровью. Как деревянное сердце делает первые робкие движения, расталкивает легкие, заставляет их шевелиться в поисках воздуха.

Это было восхитительно: после тысячи тысяч мгновений в пустоте, где были лишь два понятия, вдруг отдаться во власть агонии, собирающей меня в одно целое.

Вслед за болью пришло время. Появилось сейчас и тогда. Тогда – это взрыв в два такта. Сейчас это боль, проходящая по мне волнами.

И в конце пришло тепло. Ласковое, обнимающее.

«Потерпи, потерпи…»

Обволакивающее нежностью и отделяющее от боли. Совсем не страшно.

Прекрасное ощущение покалывания в кончиках пальцев и биение собственного сердца. Я слышала, как течет кровь по венам и шумит в ушах. Как ласково ветер перебирает листья и гладит по щекам. Как застенчиво поет неведомая мне пташка:

– Улетай на крыльях ветра…

Слезы рвались из груди от счастья. Как долго не было ни прошлого, ни будущего. А теперь между ними зарождалось настоящее, болезненно вытягивая меня из небытия. Звуки, запахи, боль и нежность. Потом, не сразу, ко мне придет память, несомненно, и я вспомню, что было до взрыва, оборвавшего ту мою жизнь. И так же потом, не сразу, ко мне придет будущее, дарующее новую жизнь.

«Там, где под говор моря дремлют горы в облаках…»

Часть 1. Белые земли

Глава 1

Джантар дернулся и открыл глаза. Уснул? Который час? Попробовал шевельнуться и с ужасом понял, что рядом лежит по-прежнему теплая и мягкая сьяринта. Какого дьявола происходит?

Он выбрался из постели и застыл, разглядывая ту, что так безмятежно спала в его кровати. Вздрогнул от ощущения неестественности, дикости происходящего.

Вот странное дело: раньше он, сколько ни пытался, никак не мог вспомнить запах Акины. Помнил ее глаза, словно черный омут. Помнил, какие на ощупь были волосы – пружинистые и дерзкие. Мог восстановить в памяти каждую черту ее тела – того, настоящего – с боевыми шрамами и отметинами, с татуировкой на плече, такой же, как у него. Но никак не мог вспомнить запах. А тут, стоило взять сьяринту на руки, и его словно накрыло.

Донес ее до охотничьего домика, сбросил на кровать и ушел за сумками, оставшимися у портала. И всю дорогу туда и обратно погружался в омуты давно забытых воспоминаний, разбуженных одним лишь запахом.

Акина терпеть не могла этот домик, говорила, что здесь даже летом слишком холодно. Что от камня под обманчивой травой веет могильной стужей, пробирающей до костей.

А Джантар любил этот суровый край, не тронутый людьми. Это был его личный подвиг: залезть в горы и найти неприступную долину. Потребовалось много усилий и помощь лучших друзей, чтобы за несколько переходов установить в долине портальный круг. Его координаты так и остались известны только трем людям. Даже отец был не в курсе, что Джантар устроил себе убежище у порога Белых земель. Он позже спровоцировал небольшой обвал на единственной дороге, по которой можно было пробраться в долину, и окончательно закрыл свой личный мир.

Акина пошутила, что домик можно назвать охотничьим, потому что Джантару вечно «охота» вернуться сюда. Так и закрепилось название, хотя никто и никогда не охотился в этих краях. Зато они с Акиной с удовольствием хранили здесь свои трофеи. Бархатистая шкура ядовитого ирлиса из Белых Земель, рога черных оленей из северных гор. Особо приглянувшиеся кинжалы и мечи поверженных врагов. На каждой стене висела «метка» прошлого.

Джантар окинул хмурым взглядом низкие свинцовые тучи, угрожающие дождем, и вошел обратно в дом. На кровати неловко лежала сьяринта и тряслась от холода. Так и не проснувшись, она подтянула колени к груди и сжалась в комочек. Совсем как Акина.

Он несколько секунд колебался, вспоминая, а могут ли вообще сьяринты мерзнуть. Потом достал ватное одеяло и накрыл дрожащее тело. «Не отличить от настоящей», – вдруг мелькнула у него мысль. Вот теперь это действительно Акина, правдоподобная тень ее прошлого. А не та похотливая копия, что бросалась на него с ласками.

Джантар провел ладонью по бледной щеке девушки, пропустил прядь волос между пальцев, дотронулся большим пальцем до искусанных губ. А потом, слабо понимая, что творит, лег рядом с ней, накрывая обоих одеялом. За прошедшие годы было много безумного секса, выходящего за рамки нормальности, но ни разу не было столь щемящей близости. Сьяринта, словно живая девушка, доверчиво прильнула к его плечу и будто даже улыбнулась. Он аккуратно обнял ее и прижал к себе, купаясь в странной иллюзии прошлого.

Надо бы встать, затопить печку. Но от тепла ее дыхания поднималась забытая нежность из самых глубин души. Надо собраться – столько вопросов, нерешенных проблем, серьезных задач. Отец и мать. Предстоящий суд. Расследование. Но он вдыхал запах волос своей сьяринты и думал лишь о том, что она такая… настоящая.

Надо действовать, бежать, как привык. Но странное дело, только сейчас Джантар осознал, что за последние годы только и делал, что мчался. И в эти мгновения, когда к нему прижималась иллюзия его любимой, дышала в его руках и тихонько вздрагивала во сне, ему нестерпимо захотелось остановиться. Кто знает, сколько продлится это нереальное соприкосновение с прошлым. Сколько раз секундная стрелка успеет обежать круг, прежде чем сьяринта снова одеревенеет в ожидании следующего призыва. Или костра, который окончательно развеет нити прошлого, странно путающие его разум. Прав был Мансей: надо было давно закопать этот осколок памяти.

Успею. Я все успею, решил про себя Джантар и закрыл глаза. Небо опрокидывается, жизнь уже не будет прежней, нужно взять подаренные минуты теплого покоя, а потом уже сжигать прошлое и бороться за будущее.

Спустя пару часов он проснулся. И теперь стоял над сьяринтой и настороженно ее рассматривал. Она, не просыпаясь, провела ладонью по тому месту, где он только что был, нахмурилась и перевернулась на другой бок. На ее щеке явственно проступил след от подушки.

Джантар напрягся от неприятной догадки – за пеленой сонного молока спала настоящая душа. Перед ним уже не сьяринта. Не кукла для утех, которая деревенеет после призыва. Не сосуд для суккубы. Не тень Акины, хоть и с ее лицом. Игрушки не улыбаются во сне. За знакомым обликом скрывалось нечто чужеродное. И захватчик не собирался покидать обретенное пристанище.

Не спуская с нее глаз, он развел огонь в печке. Поставил воду, послал вестников в несколько мест и приготовился ждать. В голове роились самые фантастические догадки: ловушка, шпион, подосланный убийца, ошибка. Можно до бесконечности перебирать варианты. Джантар был зол и встревожен.

Три капли сонного молока. Три часа сна для женщины. Если расчеты верны, если сьяринта каким-то чудом стала живой, она сейчас проснется, и тогда все станет ясно. Надо лишь подождать.

***

Она зашевелилась через час. Сьяринта лежала к нему спиной, но по ее сбившемуся дыханию он ощутил, что она проснулась. Джантар, все это время просидевший в кресле напротив кровати, подобрался и сел прямо. Под рукой удобно лежал меч. Чтобы там ни было – он готов.

Девушка открыла глаза. Несколько минут она просто лежала и рассматривала деревянную стену перед собой. Если бы кто и спросил, о чем ее мысли, она бы легко ответила – ни о чём. Просто рассматривала летающие пылинки, едва заметные в полосе света от окна, и слушала стук своего сердца в ухе на подушке. Похоже на хруст снега под валенками. Она вытянула руку и подставила ее под серый луч, пошевелила пальцами. Отстраненно отметила, что ладонь чужая. Но в голове девушки была странная расслабленность и убежденность, что так надо. Лучше чужая рука с ровной и гладкой кожей, чем своя, обугливающаяся на глазах. Лучше чужие деревянные стены и пылинки в сером луче, чем родной дом, рассыпающийся от взрывной волны.

«Я жива», – мелькнула мысль, и на ее глазах выступили слезы.

«Я дышу», – и губы скривились от едва сдерживаемого рыдания.

«Господи, какое облегчение, я все еще есть», – сдерживать рвущийся плач стало невмоготу.

От счастья и пережитого ужаса девушку накрыло тихой истерикой, она то смеялась, то всхлипывала, кусая край простыни.

Чуть позже она, хлюпая носом, вытерла ладонью слезы и попробовала сесть. Чужое тело слушалось плохо, вернее, почти совсем не слушалось, приходилось мысленно проговаривать команды рукам и ногам. Голова закружилась, и она судорожно вздохнула от неприятного ощущения. А потом улыбнулась, кусая губы, чтобы сдержать очередной приступ слез.

Джантар сидел и не шевелился. По позвоночнику прошелся легкий суеверный ужас. Одно дело контролируемая, предсказуемая суккуба. Она не смеется, не плачет, не разглядывает свои руки. Другое дело – когда ты видишь ожившую Акину, совсем по-настоящему потягивающуюся после пробуждения. Его раздирали противоречивые эмоции при виде обнаженной спины, вздрагивающей от едва слышных слез.

Девушка вытянула руки наверх, с наслаждением прислушалась к стонущим мышцам и обернулась, чтобы осмотреть незнакомую комнату.

В небольшом деревянном доме, сложенном из толстых брусьев, время замерло подбитой птицей. Два неловких взмаха крыла, два застывших взгляда. Девушка, едва пришедшая в себя после обретения новой жизни, смотрела на огромного мужчину, сидящего в темном углу. Новое сердце предательски застыло, словно опять разучилось биться. Ей на миг показалось, что в черных глазах незнакомца мелькнули красные отсветы.

Джантар за прошедший час свыкся с фактом, что перед ним не Акина и даже не ее тень. Чужая душа, а не призванный мимолетный дух, неведомыми силами была втиснута в бывшую игрушку. Он был готов ко всему. Ему так казалось.

Но чужие серо-голубые глаза на любимом лице застали его врасплох. В этом было что-то невыносимо кощунственное. Словно захватчик не просто залез в его собственность, но и по-хозяйски затеял переделку. Джантар едва подавил вспышку бешенства. У Акины были черные глаза, подобные манящему бархату ночи. Сидящая перед ним лже-Акина смотрела на него испуганными светлыми глазами. Дико и неестественно. Захотелось заорать на нее и потребовать вернуть всё на место. Но Джантар лишь сжал кулаки и сосчитал про себя до двадцати.

Это всего лишь эмоции.

Да, тень Акины не просто украли, но еще и изуродовали. Но это всего лишь тень. В душе творилась сумятица, и не нашлось никакого внятного объяснения, почему так больно видеть чужие глаза на родном лице.

Девушка натягивала простыни на обнаженное тело, словно те были способны укрыть ее от ощутимых волн гнева, что шли от мужчины. И лишь внутренняя заторможенность помогала тихо ждать, не делая лишних движений. Ведь это же какое-то недоразумение, правда? Она здесь всего несколько минут, как можно успеть ее так возненавидеть?

Сердце испуганно ёкнуло. Она заняла чужое тело? Выгонят? Убьют?

– Простите, – едва слышно прошептала девушка, испугавшись собственного голоса.

Нестерпимо хотелось жить. Счастье от пробуждения схлынуло, оставив голые инстинкты самосохранения: злость и страх.

– Кто ты? – разжал губы незнакомый ей мужчина.

– Не знаю, – девушка говорила правду: память, словно гостья, робко мялась за порогом. Доступная и недостижимая одновременно. Казалось, вот она, протяни руку, но ухватить ее не получалось.

Мужчина рывком поднялся и в два шага преодолел расстояние между ними. Навис над ней и гаркнул в лицо, вынуждая отшатнуться:

– Имя. Звание. Задание. Отвечай быстро!

– Я не помню…

Он продолжал напирать:

– Кто ты? Имя. Звание. Задание. Отвечай быстро! Приказ!

А она все пыталась отгородиться и объяснить, что нет у нее ответов.

– Не знаю, я не знаю…

Вскоре в ушах зазвенело от его тяжелого голоса. Но память, наконец, смилостивилась и подсунула имя.

– Николь! – она даже обрадовалась, что, наконец, смогла ответить хоть на один его вопрос.

– Я Николь!

Глава 2

Джантар распрямился и отошел к окну. Ее ответ беспощадно забил последний гвоздь в его подозрениях: внутри игрушки поселилась настоящая душа. Ведь у духов не бывает имен. Он поморщился. Как же не вовремя. Давно надо было уничтожить сьяринту. До того, как кто-то неведомый отнял у него право закрыть страницу с погибшей любимой. Пару часов назад он был готов развести костер и сжечь игрушку, а теперь что? Он повернулся. На постели растерянно замерла перепуганная Николь. Он мрачно разглядывал ее, вертел на языке странное имя и мирился с мыслью, что теперь по земле будет ходить Акина с чужими глазами и чужой душой.

– Подойди ко мне, – Николь вздрогнула. Огромный мужчина с широкими плечами и черными глазами, в которых вспыхивали временами алые всполохи, пугал ее

до дрожи. Она стиснула простыни на груди и попыталась встать. Не рискнула объяснить ему, что голова кружится, а ноги не слушаются. Странное ощущение, что приказ нужно выполнить, заставило ее сжать зубы и подняться с постели. Она покачнулась и едва не упала. Через шаг ухватилась за спинку кровати, помогая себе обрести равновесие. Так и застыла рядом с опорой, боясь даже поднять глаза на него.

– Руки вверх, – сухо произнес мужчина.

– Что? – поразилась девушка нелепому приказу

– Руки подними вверх.

Низ живота свело от тягостного ощущения, что он издевается. Но и мысли не возникло, что можно не выполнить приказ. Подавляющая аура силы и власти сметала всякое желание взбунтоваться. Кусая губы и смущенно отводя глаза, она отпустила простыню и подняла руки. Ткань стремительно сползла вниз, безжалостно открывая тело холодному воздуху и мрачному взгляду. Было странно, но не стыдно. Может, оттого что это тело пока не воспринималось своим? А чужое показывать несложно.

Джантар отслеживал ее реакции и рассматривал обнаженное тело, отмечая, что здесь нет никаких изменений. «Акина» – может, в чуть более мягкой версии. Но даже без дорогих ему шрамов, без татуировки, без следов изнурительных тренировок, это тело волновало его. Может, все дело в ее робкой беспомощности и покорности?

Джантар мысленно чертыхнулся. А вдруг она имитирует послушание?

Когда изготавливают сьяринту, в нее закладывают два полезных качества секс-игрушки – выполнение любых приказов и невозможность причинить вред хозяину. Хотя никто не слышал, чтобы духи суккуб причиняли вред, ведь они, наоборот, обычно рады вызову из нижних пластов, да и взамен получают огромную порцию сладких эмоций. Вожделение, похоть, страсть. Идеальный симбиоз. Хозяин радуется ненасытной игрушке, суккуба – эмоциям.

Существует целая индустрия борделей со сьяринтами на любой вкус, но Джантар не слышал о случаях, когда в секс-игрушку вселяли настоящую душу.

Он не слышал и о камнях душ, которые могут содержать настоящую сущность, а не временный сгусток с нижних пластов.

Ошибка? Спланированная провокация?

Джантар перебирал догадки и подозрения. С одной стороны, мысль, что перед ним шпион, была бы слишком очевидной. Как же глупо сажать душу разведчика в тело, неспособное противиться приказам. Да и слишком сложная затея для столь нелепого результата. Может, она не смогла ответить на вопросы, потому что действительно не было никаких заданий? Неужели на самом деле ничего не помнит? Как проверить? Николь с непривычными глазами, что же ты скрываешь? Зачем ты здесь? Что же теперь с тобой делать?

Джантар осознал, что не сводит глаз с ее груди. Мелькнуло странное желание подойти и согреть дыханием ее кожу, обнять и проверить, по-прежнему ли идеально сочетаются их тела. Он стиснул зубы – это не Акина.

Джантар наклонился и достал кинжал из голенища сапога. Протянул ей:

– Держи.

Николь тревожно поежилась, одной рукой обхватила себя, а другую протянула к клинку на ладони мужчины. Неловко взяла его двумя пальцами. Джантар мысленно усмехнулся. Если там, за голубыми испуганными глазами и спряталась актриса, то невероятно гениальная – так кинжал не берут даже дети. Как бы сама не порезалась.

Он оценивающе прищурился и спокойно попросил:

– Ударь.

Николь показалось, что она ослышалась. Неуверенно посмотрела на кинжал в руке, как на ядовитую змею. Потом на мужчину. Но тот стоял, расслабленный, перед ней и даже раздвинул руки, словно приглашал.

– Что? – переспросила Николь пересохшими губами.

– Ударь меня. Напади. Приказ.

И чужой мир вдруг покачнулся, закрутился вокруг нее. Странным набатом зазвенела его фраза в голове, по мышцам прошла острая волна судорог, и всё тело затрясло. Перед глазами поплыла кровавая пелена, а легкие словно разучились дышать. Мысли закручивались в тугую спираль, в голове роились чужие слова, над телом властвовали чужие инстинкты. И она с ужасом понимала, что снова теряет себя.

– Я не могу, – сиплый голос едва слушался.

– Остановись, – ровный голос выдернул ее из тошнотворного падения в пропасть. Она пришла в себя и услышала, как глухо ударился об пол кинжал, выскользнувший из ее ладони. Во рту стоял мерзкий металлический привкус.

Вся непонятная какофония в ее голове стихла. По затылку разливался блаженный холод. Мир снова вернулся на место. Тот жуткий мир, где она стоит обнаженной перед недобрым мужчиной, а между ними лежит на полу кинжал. Что это было? Николь тряхнула головой, чтобы проверить свои ощущения. Но не успела справиться с неразберихой внутри, как он оглушил ее новой жуткой фразой:

– Подними кинжал и ударь себя в ногу. Приказ.

«Это всё какой-то кошмар! Так не бывает!».

Николь затрясло от ужаса. Сердце ухнуло куда-то вниз, к подгибающимся коленям. Не от его слов, а оттого, что руки сами потянулись к кинжалу. И она теперь не знала, что лучше – та центрифуга, которая включилась в ее голове от предыдущего приказа, или вот это кошмарная отрешенность и отстраненность, с которой она пытается взять кинжал. Девушка сопротивлялась жуткому приказу. Боролась с собственным телом. А потом силы закончились. Внутренне визжа от переполнявшего ужаса, она с отчаянием проводила глазами руку, подхватившую кинжал. Потом выпрямилась и со всей дури ударила острием вниз прямо в ногу.

Николь зажмурилась и не видела, как в последний момент Джантар хлестнул ладонью по ее запястью, сбивая траекторию удара. В глазах девушки сверкнуло от вспышки боли, и она закричала.

Он сгреб ее в охапку:

– Всё, всё уже. Остановись.

Она билась и кричала от пережитого ужаса. Не боли испугалась. Потери себя. Когда рука, которую уже признала своей, вдруг снова становится чужой и нападает. Всего лишь от одного его слова. Что за жуткий мир? Николь рыдала навзрыд, не замечая, как Джантар медленно закутывает ее в простыню. Как крепко сжимает в своих руках. Ее мысли терялись в лабиринте беспомощности и страха.

– Всё уже, – шептали над головой те жестокие губы, что парой слов сумели уничтожить внутреннюю связь с телом.

Джантар обнимал Николь и ждал, когда пройдет вспышка истерики. И ведь не объяснишь ей в двух словах, зачем ему нужна была эта жестокая проверка. Нет времени присматриваться и выяснять, что за душа перед ним, какие у нее нормы и принципы. И он слишком хорошо знал: боль и страх лучше всего обнажают истинную сущность. Жестокая необходимость выяснить для себя все здесь и сейчас. Она не поймет.

Николь тихо сидела в объятиях, глотала слезы и слушала стук его сердца. Происходящее было слишком необъяснимо. Как можно сначала отдавать такие страшные приказы, а потом так бережно гладить по спине и утешать?

– Зачем? – Николь пыталась справиться с потрясением.

– Так надо было, – ответил он тихо и совершенно серьезно.

– Кому?

– Мне.

Она дернулась из его рук, выскальзывая из простыни. Джантар не стал удерживать. Сидел перед ней возмутительно спокойный. Николь вздрогнула, сделала шаг назад, и зло посмотрела на свою, и при этом, такую чужую, руку и увидела покрасневший след от удара. И только сейчас ощутила, что запястье

онемело от боли.

«Это он ударил меня, – пришло к ней запоздалое понимание, – отвел кинжал».

Джантар расслабленно смотрел, как угрожающе она сжимает кулаки и шипит от боли. Он выяснил всё, что хотел.

Если бы она замахнулась кинжалом на него – убил бы на месте. Потому что нет ни одной нормальной причины для подобного удара в первые пять минут знакомства. Сьяринта не смогла бы причинить вред, а свободный человек просто бы отказался. И только тот, кто замыслил зло, смог бы хладнокровно выполнить приказ.

А вот то, что теперь раздувается от гнева и мечтает его ударить – так это хорошо. Нормальная реакция.

– Больно? – спросил Джантар, разглядывая ее покрасневшее запястье и порез на бедре, набухающий кровью.

– Можно подумать, что тебя это беспокоит, – огрызнулась Николь, свирепея от собственной беспомощности.

Он поднялся и прошел к своим сумкам. Достал металлическую банку и отвинтил крышку. Комнату тут же наполнил терпкий запах мяты и чего-то еще. Николь настороженно смотрела, как он медленно подошел к ней и опустился на колени. Она даже не подумала дергаться или бежать. Сложно было не понять, что это тело предательски выполняет все его приказы. Лучше уж добровольно стоять и ощущать хотя бы иллюзию власти над телом. Он зачерпнул немного коричневой пахучей смеси и стал размазывать по запястью. Под его шершавыми пальцами по коже разбегалась прохладные волны, смывающие онемение и боль.

А потом он бережно обхватил её ногу рукой, а второй стал втирать ту же смесь в порез. Николь изо всех сил старалась не дергаться и не выдавать смущения. Впервые за время, прошедшее в этом странном мире, она ощущала себя действительно голой. Девушка чувствовала горячее дыхание на своей коже и едва сдерживалась, чтобы не дернуться. Но он словно ничего не замечал. Стер остатки мази и встал, завинчивая крышку на место. На месте пореза виднелся розовый след, словно прошла уже неделя, а не несколько секунд. Она изумленно

подняла голову.

Джантар стоял перед ней совсем близко и, не отрываясь, разглядывал ее лицо. Он всматривался в светлые глаза, удивляясь, как же много в них плескалось эмоций. Словно прозрачная вода в озере, они отражали все, что творилось внутри незнакомки. Страх, омерзение, ужас, стыд, и совсем чуть-чуть – удивление…

– Это подло, – выдавила оробевшая Николь, теряясь от его тяжелого, ничего не выражающего взгляда.

– Скажи это тому, кто засунул тебя в это тело, – усмехнулся он и отошел обратно к сумкам.

– Я скажу ему «спасибо», а ты бессердечный мерзавец, – прошептала Николь, обнимая себя руками.

Она видела по его окаменевшим плечам, что он услышал. Мужчина развернулся и спокойно ответил, вытирая руки полотенцем:

– Вот и не забывай об этом.

Потом присел на корточки перед кроватью и вытащил плоский ящик.

– Здесь одежда, – равнодушно сказал Джантар и вышел из комнаты, не обернувшись.

Глава 3

Николь

Несколько минут я сидела, не шевелясь. В доме повисла тягучая тишина, лишь один раз хлопнула невидимая мне дверь. Потерла запястье, едва уловимо пахнущее мятой, покрутила ладонью. Надо же, совсем не болит. Провела по

розоватому следу от недавнего пореза. Выходит, у него не было цели навредить, всего лишь проверить, насколько тщательно выполняет это тело его приказы? Моё тело. Я невольно погладила себя по животу, дотронулась до груди, запустила пальцы в волосы. Огляделась в поисках зеркала. В просторной комнате было много интересного: пятнистая шкура на полу, рога на деревянной стене, странные инструменты на крюках, отдаленно похожие на музыкальные, пара небольших картин в рамках. Скамьи, комоды, сундуки. Плетеное кресло с наброшенным поверх пушистым пледом. Все простое, но доброе и уютное. Печь, переходящая в каменную стену, от которой шло ровное тепло. И ни малейшего признака зеркала.

За окном зашумел дождь.

Я вздрогнула, спохватившись, бросилась к ящику и стала торопливо разбирать одежду, переложенную хрустящей полупрозрачной бумагой. Все было странное, незнакомое. Память, все еще робко стоящая за порогом, подсказывала, что подобные наряды я вижу впервые. Хищные, с кожаными вставками, с ремнями и петлями, с металлическими шипами и кольцами. Даже не верилось, что это женская одежда – такую впору носить воинам.

Неуместными были среди них лишь три вещи: длинная кружевная сорочка, странный халат из прохладного на ощупь шелка и платье. Нежное, искристое, словно собранное из миллиарда холодных звезд. Было в нем что-то торжественное, словно такое платье надевают раз в жизни. Я перебрала наряды и с досадой выяснила, что среди вещей нет нижнего белья. Да и сами они казались чужими, огрызались на меня, посмевшую к ним прикоснуться. Но выбора не было. Похоже, сорочка с халатом – единственное, что сейчас возможно надеть.

Когда я завязывала узлом на талии широченный вышитый пояс с тяжелыми кистями, дверь отворилась, и вошел он в насквозь промокшей одежде.

Хмуро поглядывая на меня, мужчина стянул через голову мокрую рубаху и промокнул блестящую от воды кожу полотенцем. Остро ощущая, что ему не нравится мой выбор, я закусила губу и невольно опустила голову. Он, ни слова не говоря, подошел к ящику, сам перебрал всё, что там было и, шумно выдохнув, вышел из комнаты. Громко хлопнула дверь. Он вернулся через минуту и протянул мне сверток одежды.

– Всё новое, – бросил он и, подхватив свои мокрые вещи, покинул комнату, оставляя после себя пряный запах мужского тела. В полумраке комнаты я успела разглядеть, как перекатываются мышцы под смуглой блестящей от воды кожей.

Густо краснея, первым делом увидела серые мужские трусы, похожие на шорты. Нательную рубашку из тонкого материала и штаны. Все вещи были на завязках, поэтому разницу в размерах я легко устранила, затянув потуже тесемки. Подвернула рукава и штанины. Вспомнила, что среди женских вещей была кожаная безрукавка, нашла ее и надела поверх чудаковатого костюма. Жесткая, приталенная, с вытачками, она добавила нотку веселой абсурдности. Но мне было уютно в этих вещах. Лучше безразмерные штаны, держащиеся на мне лишь благодаря тонкой тесемке, чем те кожаные, жесткие, из первого набора. Мягкая ткань приятно льнула к коже, обволакивала складками, даря мне уют спрятанного тела. Моего тела?

Довольно одернув край жилетки, я вышла из комнаты.

За дверью оказалась широкая терраса с огромными окнами по двум стенам. Поймав глазами фигуру мужчины, стоявшего у огромного деревянного стола, я невольно выпалила:

– Так лучше?

И сама поморщилась от детского вызова, прозвучавшего в голосе. Мужчина развернулся и усмехнулся:

– То были костюм для шлюхи и кимоно для посещения храма Бога-Воина. Так что, да, так лучше.

Я смутилась: да уж, мой выбор оказался кошмарным.

– Я Джантар. Подходи, будешь мне помогать, – он качнул головой в сторону стола, заваленного едой.

Поежилась и подошла. Он передал мне нож и махнул рукой на корзинку со свежими овощами. Я не могла отделаться от ощущения, что за мной наблюдают, и не просто из праздного любопытства, а именно оценивая каждое моё

движение. Джан-тар. Я несколько раз про себя произнесла чудное имя. Джантар. Он ведь нарочно не сказал, что именно делать с овощами. Стоял, колдовал над мясом и поглядывал, прищурившись на меня. Ух, как неловко.

Я заправила пряди за уши. Пусть смотрит.

– Всё нужно нарезать?

Он улыбнулся уголком рта и кивнул. Я оценила гору овощей и насторожилась – будут гости? На столе красноречиво лежали свежие буханки хлеба, пара голов сыра. Много разного и незнакомого – но всё намекало на толпу едоков. Меня охватила паника. Я понимала, что совершенно не готова к новым людям. А вдруг они тоже станут приказывать мне?

«Руки вверх».

Перед глазами предательски возникла картинка, как Джантар жадно разглядывает меня голую, выставленную напоказ по его слову. Я не была слепой и видела, как хищно прищурились его глаза. А если они захотят не только разглядывать? Паника поднималась по позвоночнику и обхватывала горло, мешая дышать. Я облокотилась на стол, от нехватки воздуха перед глазами заплясали мушки. Не сразу разглядела, как возник перед лицом стакан воды.

– Ну же, выпей.

Зубы стучали о стекло, и вода потекла по моему подбородку. Я боялась поднимать на него глаза. Захотелось вернуться в ту комнату с серым лучом из окна. Слишком много мыслей. На миг мне стало жутко, а потом я вспомнила биение пустоты длиною в вечность и закусила губу. Я не имею права раскисать. Негнущимися пальцами снова взяла нож и принялась методично нарезать овощи. Я живая. Точка.

Резала и часто-часто моргала, чтобы смахивать настойчивую радужную пелену с ресниц. Сил на разговоры и вопросы просто не было. Мои руки вдруг накрыла его тяжелая ладонь. Замерла в замешательстве, плечом ощущая тепло его тела.

– Чего ты боишься? – выдохнул он мне в ухо.

– Приказов, – голос предательски дрогнул.

– Обещаю, что больше так не поступлю с тобой. Только в самых исключительных ситуациях.

– Каких?

– Узнаем, – от его тихого голоса, полного непонятного предупреждения, у меня встали дыбом волосы на затылке.

– А другие – те, которые придут? – я, наконец, осмелилась поднять глаза. Джантар стоял очень близко. Заметила, как он вздрогнул, поймав мой взгляд.

– Это тело слушается только меня.

– Почему?

– Потому что оно принадлежит мне.

– А я? Я теперь тоже принадлежу тебе? Что ты сделаешь со мной?

Джантар убрал ладонь с моих рук и сделал шаг назад.

– Ты под моей защитой – это всё, что тебе пока нужно знать.

Быть под защитой единственного человека, который властен надо мной? Он всерьез думает, что меня это успокоит? Я продолжила упрямо резать овощи, молясь, чтобы он оказался не извращенцем.

– Ты ведь ничего не помнишь?

Я мотнула отрицательно головой.

– Николь, я должен был убедиться, что передо мной не псих с извращенной логикой и не убийца. Боль и страх лучше прочего вытаскивают наружу истинную сущность.

Я слушала его и кивала. Сама догадалась, что это была проверка. Но мне, правда, стало чуть легче от его слов. В них не было зла или жестокости.

– Ты действуешь неосознанно, рефлекторно. Твой крайне неудачный выбор одежды говорит о том, что ты не из наших краев. Ты не умеешь обращаться с кинжалом. Боишься боли, не умеешь бить. Удивилась обычной мелитной мази и тому, как быстро зажил порез. Смущаешься своего и чужого тела. Но разговариваешь на равных. Хотя и боишься меня. Я могу и дальше перечислять свои наблюдения, но скажи мне, Николь, ты свое имя вспомнила, потому что я приказал?

– Да, – прошептала неуверенно.

– Как думаешь, узнать, откуда ты, – исключительный случай?

– Наверно, – еще более растерянно ответила я.

– Николь, ответь мне, откуда ты? Приказ.

Ничего внутри не отозвалось. Не буду скрывать, я надеялась, что робкая память послушается его приказа и вернется ко мне. Но она лишь издалека грустно покачала головой. Не время? Ну же, ведь по глазам Джантара вижу, как ему важен этот ответ. Хоть что-нибудь. Я потерла лоб ладонью. Память лишь бросает мне издалека ассоциации, и новые слова, когда я над ними не задумываюсь. Игра в поддавки.

– А где я сейчас?

– Гоанк Поднебесный.

Я мотнула головой и пожала плечами, показывая, что мне эти слова ни о чем не говорят.

– Тенгоку, так называется этот мир.

И снова ничего не отозвалось внутри.

– У меня нет ответов, – призналась я.

– Раз пришло имя, то и остальные воспоминания вернуться. Подождем.

– А это важно?

– Мне нет.

Он подхватил решетку с мясом и отнес ее к камину, где, то и дело, вспыхивали красными огоньками тлеющие угли. Я украдкой разглядывала мощную спину и бритый затылок Джантара. Красивые перекаты мышц, подтянутая фигура, потемневшая от солнца кожа. Закусила губу. Он прав, меня смущает вид обнаженного тела.

С трудом отведя взгляд, я отыскала на полке большую миску, сложила в нее овощи, нарезанные красивыми ровными кубиками. Не задумываясь, отрезала кусок сыра от головки на столе и мелко-мелко нашинковала. Добавила к овощам и аккуратно перемешала. Эх, орешки бы еще и оливковое масло.

Повернулась к Джантару, чтобы попросить, и наткнулась на его настороженный взгляд. К черту, не хочу ничего объяснять. Повернулась к полкам, щедро уставленным разными банками, стеклянными, керамическими и жестяными. Сама найду. Салат – первое дело, которое я делаю в этой жизни. Хочу его доделать так, как интуиция вела.

Орехи обнаружились почти сразу, а жаль. Мне понравилось исследовать банки и вдыхать незнакомые пряные или терпкие ароматы. От некоторых становилось тепло на душе. Горсть орехов помяла сначала в руках, а потом раздавила плоской стороной ножа. Признаться, я не была уверена, что это именно орехи, вкус удивительный – нечто среднее между миндалем и кешью. Сладковатый и тягуче-душистый. Но была уверена, что он будет уместен в салате. Уже не обращая внимания на окружающий мир, я также беспардонно исследовала шкафы и полки, пока не нашла бутылки с чем-то похожим на масло. Капнула себе на ладонь и слизнула. Ох, как вкусно! Даже лучше, чем наше оливковое масло. Сполоснула руки под краном, потом налила себе в ладонь щедро масла, посыпала солью и начала перемешивать руками салат. Мягко и нежно. Словно поглаживая. Так как учила меня бабушка. Бабушка… От осознания, что это вернулся еще один осколок памяти, у меня защипало в глазах. Не переставая

перемешивать аккуратно масляными руками салат в миске, я с улыбкой грелась пришедшим воспоминанием. Ни лица, ни имени, лишь образ и то, как она учила меня готовить. Вкладывать в еду свою нежность. Я снова налила в ладонь масло и добавила щепотку соли. И снова опустила руки в миску, мягко смешивая овощи, лепестки сыра и крошки орехов.

А потом самое сладкое – облизать пальцы. Добрый получился салат, я сполна ощутила руками. Слизывая остатки соленого масла, я повернулась к Джантару. И снова споткнулась о его тяжелый потемневший взгляд.

Кажется, я снова сделала что-то не так.

Он криво улыбнулся, а потом начал доставать тарелки и стаканы. Вытирая руки полотенцем, я подсчитала количество приборов. Шесть.

– Хочешь вина?

Я кивнула. Да, меня всю трясет от страха. Но задавать вопросы еще страшнее. Я словно перед ящиком Пандоры. Тот, кто придумал, что известное зло лучше неизвестного, просто не был в моей ситуации. Прямо сейчас не было объективных причин для страха. Лишь сомнения и фантазии. Теплый уютный дом, сдержанный красивый мужчина, обещавший мне защиту, вкусная еда. Успокаивающий дождь за окном и тепло от потрескивающего огня. Будущего еще нет. Потому что нет ни вопросов, ни ответов. Но стоит мне узнать, что за мир вокруг меня, и я не смогу делать вид, будто все хорошо. Не может ведь быть хорошо, когда ты в чужом мире, без всего. Даже без памяти. Лучше ощущать себя босой в деревянном доме, чем в целом мире. Господи, пусть его обещанная защита существует не только на словах.

Я приняла бокал с темно-красным вином. Не прозвучало никаких тостов. Мы оба молча сделали по глотку.

Игра в нормальность.

Отставив бокал, я спокойно принялась нарезать сыр, хлеб. Аккуратно, согревая теплом ладони прохладный сдобный бок. Нежно поглаживая пальцами

ребристую поверхность сыра. Рядом Джантар, все еще нервируя меня обнаженным торсом, раскладывал незнакомые закуски. Некоторые я без стеснения попробовала. Какие-то мне показались вкусными, а какие-то злыми. Какой смысл смущаться, когда я делаю все не так? Помогая в подготовке стола к приезду неизвестных гостей, я хорошо ощущала разницу наших культур. Но мы, словно деликатные танцоры, не мешали друг другу, позволяя традициям смешиваться. Ни за что не признаюсь, что через тревогу и страх за будущее внутри зрело чувство благодарности за эти минуты, наполненные уютом.

Совсем стемнело. По террасе плыл насыщенный аромат жареного на углях мяса. Джантар достал свечи и расставил их, зажигая. Не знаю, за что пил он, а я мысленно произносила тост за свой первый день здесь. Близилась ночь. Стол был готов, и я забралась с ногами в кресло, качая в руках бокал вина, третий по счету. В голове зрела хмельная смелость.

– Для чего тебе женское тело?

Джантар обернулся, недоуменно подняв одну бровь.

– Ты сказал, что это тело принадлежит тебе. Зачем тебе женское тело?

– Чтобы трахать, – его циничные слова за мгновение разрушили ощущение уюта. Хорошего понемногу?

Мой взгляд запутался в волосках на его мускулистой груди. Как же дико осознавать, что он обнимал своими огромными руками это тело и входил в него. В моё тело. Мой мозг тотчас нарисовал вполне отчетливые картинки. Бокал в руках тихонько задрожал. А если он не захочет что-то менять? Что, если мое появление ничего не изменит?

«– А это важно?

– Мне нет».

Он стянул с веревки рубашку, давно высохшую от тепла камина, и надел. Мы оба молчали. Я боялась задавать следующие вопросы, вертевшиеся у меня на кончике языка. Не готова еще к новым циничным ответам. Пусть хоть еще

немного продлится эта игра в нормальность. Почти равнодушно сделала глоток вина, словно и не было его бесстыдного ответа на мой прямой вопрос. Близилась ночь, я и так все узнаю.

За окном сверкнула вспышка. Молния? Я по привычке стала отсчитывать секунды, но гром так и не прокатился над домом. Джантар подобрался, глянул на дверь и подошел ко мне.

– Ты умеешь молчать и не задавать лишних вопросов. Сейчас самое время продолжать в том же духе. Поняла?

Я кивнула, понимая, что прибыли гости.

Глава 4

Дверь на улицу распахнулась, впуская свежий ветер, капли дождя и толпу незнакомцев. Они смеялись и перекидывались шутками. Снимали мокрые плащи, обменивались ударами в предплечья с Джантаром. Девушка и трое мужчин. Просторная терраса разом съежилась и превратилась в тесную комнатку под напором их энергии. Мое кресло стояло в темном углу, и гости пока меня не замечали. Боясь шевелиться, я тихонько их разглядывала. Девушка и двое мужчин были словно слеплены из того же теста, что и Джантар. Высокие, мускулистые, в их движениях чувствовалась сила и ловкость. Словно тягучие сгустки черной смолы, с темными глазами и бронзовой кожей. Все по-особенному красивые.

Девушка с длинными гладкими волосами, забранными в высокий хвост, обняла Джантара за шею и крепко прижалась к нему в поцелуе. Ее глаза, слегка раскосые, весело сверкнули, по полным чувственным губам пробежала довольная усмешка. Она что-то прошептала ему на ухо, обвивая всем телом. А он как-то по-доброму улыбнулся ей в ответ. Не знала, что его лицо может быть таким мягким.

Рядом стоял мужчина, неуловимо похожий на прильнувшую к Джантару девушку. У них были одинаково высокие скулы и кошачьи глаза под

выразительными бровями. Два хищника с особой грацией. Только красота девушки была мягче. А этот зверь казался мне опасным: от его улыбки руки холодели. Во всем его виде была вызывающая умышленная небрежность: растрепанный низкий хвост, одежда со следами драки.

Второй мужчина, огромный и спокойный, был выше остальных и казался слепленным из грубых валунов. Мощный подбородок, упрямые губы и свернутый набок нос. У него, единственного из всех, были коротко подстрижены волосы. А затылок и виски и вовсе гладко выбриты. Кожаные жилет и наручи с рунными символами, меховая отделка.

За широкими спинами я не сразу разглядела четвертого гостя. Угловатый юноша, едва достававший Джантару до плеча. С белыми прядями в длинных темных волосах. Он не участвовал в дружеских объятьях и похлопываниях. Стоял и смотрел прямо на меня.

Верзила поймал его взгляд и развернулся. Мое время разглядывания истекло. Сразу захотелось уйти, скрыться. Слишком резко они замолчали, увидев меня в тени кресла. Немая сцена, недобрые глаза. Раздались незнакомые слова, слишком похожие на ругательства. Грубые фразы, смущающие меня своей двусмысленностью.

– Ух ты, шлюха с лицом Акины.

– Какого дьявола?

– Ты уже развлекся или приготовил ее к нашему приезду?

– Ну, ты и скотина…

Я не понимала, о чём они говорят, и пыталась укрыть лицо за копной кудрявых волос. Щеки пылали. Напряжение скручивало внутренности в тугую спираль. Раздраженный взбудораженный гул голосов слился в мерзкую какофонию, хотелось встать и рявкнуть что-нибудь в ответ или, наоборот, тихо проскользнуть в свою комнату. Похоже, все в курсе, что это тело было у Джантара для секса. Вот влипла.

Вдруг на плечи легли теплые ладони, и над головой раздался голос, наполненный нарочитым спокойствием:

– Языки прикусите. Знакомьтесь, это Николь.

– Какая, к дьяволу, Николь, ты теперь шлюхам имена даешь? – воскликнула девушка, ее лицо исказилось от гневного презрения.

Мужчины отреагировали злыми ругательствами.

– Вы закончили? – в голосе Джантара появились металлические нотки.

– Я нет, – вдруг произнес юноша с белыми прядями и спросил: – Николь, а ты откуда?

На него раздраженно зашипели остальные.

– Из другого мира, – ответил за меня Джантар.

– Это шутка какая-то? – возмутилась девушка.

Раздался звук хлопнувшей двери – Верзила ушел.

Я растерянно пыталась понять, что происходит. Мне была понятна гадкая, мерзкая улыбка «зверя». Не смущало простодушное любопытство юноши. Но я не ожидала ярости, плескавшейся в сузившихся глазах девушки. И не понимала, чем успела так разозлить Верзилу, что он вылетел из дома с перекошенным лицом.

Джантар вышел из-за моих плеч и протянул мне руку, приглашая подняться. Пришлось покинуть уютное кресло и выйти на свет. Я видела, как вздрогнули похожие друг на друга мужчина и женщина, встретившись со мной взглядами. Да что же с моими глазами не так?

– Николь, позволь тебе представить: Талиса и Тахир Ирдас, – произнес Джантар, не скрывая предупреждающих ноток. Девушка нервно дернула плечом, едва уловимо кивнула, прошлась взглядом по моей одежде и насмешливо фыркнула.

Тахир же улыбнулся мне так, что мороз по позвоночнику пополз. Гадко так. Слегка качнул головой и уселся за стол, рядом с сестрой, не сводя с меня глаз.

– Рималь Ворон.

Юноша с белыми прядями подошел ко мне и дружелюбно улыбнулся. Мы оказались с ним одного роста. Единственный из всей этой воинственной толпы, кто отреагировал на меня спокойно.

– Николь под моей защитой, – медленно проговорил Джантар и вышел в дождь вслед за Верзилой, оставив меня наедине с гостями.

Я молчала, боялась сказать лишнего, вызвать новую волну беспардонного любопытства. Брат с сестрой пугали меня едва уловимым налетом жесткости и неприкрытой неприязнью. Я вернулась в кресло и взяла свой бокал. Будь это мой дом, я бы позаботилась о гостях, предложила им вина. Но, увы, это не мой дом.

А ведь на секунду ощутила себя уместной, когда помогала накрывать на стол, и даже немного расслабилась. Реакция друзей была тем и обидна, что слишком резко показала, насколько я здесь для всех чужая. Меня уколола зависть с горькой примесью одиночества при виде их дружной компании.

Брат с сестрой неслышно переговаривались. Тахир ехидно улыбался, поглядывая на меня, а Талиса сидела ко мне спиной и раздраженно что-то шипела в ответ.

Рималь ходил по террасе и разглядывал стены, словно был здесь впервые. Долго стоял перед длинными свитками, что висели в узких простенках между огромными окнами. Над картинами хищно блестели ножи странной формы. Потом он подошел к стоящей в углу стойке с длинными луками. Вытащил один, поменьше, и попробовал натяжение тетивы.

– Рим, второй попробуй, – вдруг подсказал ему Тахир.

Я вздрогнула от его голоса, это ведь он говорил самые неприятные фразы про «шлюху». Похоже, язык у него тоже гадкий, под стать презрительному взгляду, оставляющему ощущение чего-то липкого. Пугающая неприкрытая грубость.

– У тебя очень необычные глаза, – вывел меня из задумчивого состояния веселый голос Рималя, он поставил выбранный лук на место и взял соседний. И медленно натянул тетиву, улыбаясь:

– Впервые вижу голубые. А в твоем мире у всех такие же, или бывают и другие?

– Разные, – несколько невпопад ответила я, пожимая плечами.

***

Джантар обнаружил Эйдана, сидящим на корточках у крыльца под навесом. Тот щурился и подставлял лицо под влажный ветер. Демон сел рядом на ступеньку.

– Эйд, такова была ее воля.

Мужчина рядом с ним кивнул, не отводя глаз от черной громады леса, затаившейся в тени свинцовых туч. Крупные тягучие капли приминали траву и тоненькими ручейками собирались в широкие лужи. Порывы ветра, то и дело, бросали в мужчин горсти водяных брызг. Но они продолжали сидеть рядом и вести никому неслышный диалог.

У них не было повода для обид и извинений. И все равно: Эйдан злился, а Джантар ощущал себя виноватым перед другом.

Демон нарочно поставил друзей перед фактом, не стал разводить долгие прелюдии и объяснения. Знал, что Ирдасы будут несдержанны на язык, но хотел посмотреть на реакцию Николь. Она молодец. Никаких истерик и слез, лишних слов и обвинений. Это важно, ведь впереди трехдневный переход, а она по-прежнему для него, словно черная шкатулка: неизвестно, что внутри.

Не учел лишь реакцию Эйдана. Забыл или, вернее, просто не хотел помнить, что Акина была важна не только ему самому.

– Так говоришь, в теле сьяринты душа из другого мира? – разбил шелест дождя задумчивый голос его друга.

Джантар кивнул и криво улыбнулся. Его друг всегда умел разделять прошлое и настоящее, уважая и то, и другое.

– Слишком не вовремя, тебе не кажется? – Эйдан поднялся и развел руки, потягиваясь. Демон зло усмехнулся. Мысль, что проще открутить Николь голову и не мучиться подозрениями, преследовала его. Да только внутренний кодекс не позволял вот так, вне боя, без особых причин, убить слабую девчонку, таращившуюся на него испуганными голубыми глазами. Другие желания в отношении девушки он старался не замечать.

– Пока выглядит неопасной.

– И что дальше?

– Берем с собой и закидываем к травницам.

Эйдан усмехнулся:

– Жестоко.

– Ты видел ее? Мне с ней некогда возиться. А без присмотра ее либо забьют камнями, либо сдадут в бордель. Она совершенно не приспособлена к этому миру.

– Пристрой к таткам, – почти равнодушно сказал Эйдан, а сам передернулся от этой идеи. Акина, стоящая на коленях и моющая кому-то ноги. Вот ведь жуткая картинка. Пусть уж лучше живет вдали от мира среди затворниц.

– С ее-то внешностью? То же самое, что «сдать в бордель». Поживет у травниц, адаптируется.

– А сестры в общине не забьют камнями? Чисто за глаза. Они же там все повернутые на приметах, – Эйдан стянул рубашку, повесил на крюк у двери. Снял сапоги и подвернул брюки.

– Там Верина, попрошу присмотреть. – Джантар смотрел на друга и улыбался. Тот всегда любил дождь, вот и сейчас собирался от души намокнуть.

– Верина в травницы ушла? Не знал. А я все гадал, куда она пропала. Решил, что к своим родным уехала, в северные горы. Тогда я согласен, отвести девушку к травницам – хорошая идея.

Эйдан вышел из-под навеса прямо в стену дождя. Отошел от крыльца и с наслаждением зарылся пальцами ног в чавкающую почву, подставляя лицо под тугие обжигающие струи воды.

Он знал Акину с детства. Вечно куда-то спешащая девчонка с ободранными коленками. Напарники по детским шалостям, они вместе поступили в военную академию. Он покровительствовал мелкой девчонке, вздумавшей воевать, и, возможно, любил. Да только поздно осознал свои чувства – Акина уже глаз не сводила с лучшего ученика академии Джантара. Робкий росток любви так и завял, оставив после себя лишь легкий привкус сожаления. А гибель девушки и вовсе перечеркнула всякий намек на зависть или несостоявшееся соперничество. Тем неожиданнее стало осознание, что даже после смерти дерзкая и гибкая Акина по-прежнему принадлежала лишь Джантару. И снова непрошеный привкус поражения и гадливости. Шлюха с лицом Акины. Так неправильно. Эйдан впитывал дождь всем телом, призывая его смыть жестокую картинку с его глаз.

«Такова была ее воля».

Эйдан грустно улыбнулся. Так похоже на Акину.

– Улажу свои дела, вернусь за ней и буду думать, что делать дальше, – тихо и совершенно серьезно сказал Джантар.

– Джан, это не Акина, – прокричал Эйдан, перекрывая шум дождя. «Это не Акина», – мысленно повторил он сам себе. Сестра-близнец, просто похожая девушка. Но не Акина.

– Помню каждую секунду, – едва слышно ответил ему Демон. И все же совсем отмахнуться от незнакомки, оказавшейся явно не по своей воле в этом теле, он не мог. Знакомые черты в сочетании с трогательной беззащитностью порождали

в нем стойкое желание взять эту девочку под свою защиту.

Эйдан улыбнулся напоследок дождю и забрался обратно под навес. Вода стекала по нему ручьями. Он повернулся к Джантару:

– А если у тебя не получится, и ты не вернешься?

– Тогда Гоанк снова погрязнет в войне. И укрыться у травниц – самый лучший вариант.

Друзья снова замолчали.

Можно беззаботно стоять под дождем и ловить ртом капли. Можно обниматься при встрече и от души хлопать по плечам. Можно делать вид, что не было между ними соперничества за Акину. Можно рассуждать о незавидной участи Николь, появившейся так не вовремя.

И все равно громадой сметающего цунами встает над мелкими событиями самое важное – переворот в стране.

Джантар и его друзья не сомневались – за подлым убийством наследника и императрицы скрывается попытка сменить режим. И у Демона два выхода: либо встать грудью и принять удар, сражаясь даже не столько за себя и свою семью, сколько за страну, либо сбежать, скрыться. И пусть оно всё будет, как будет.

Но есть такое понятие, как ответственность. И разделить ее практически не с кем. Поэтому не сбегает Джантар, поэтому рядом изображают веселье его друзья, готовые встать за его спиной с мечами.

Хотя правящего императора почитали как божество, фактически все управление страной осуществлялось Советом Семи. Место в управлении было наследным и передавалось от отца к сыну внутри главнейших семейств Гоанка. Семь избранных фамилий, чьи лучшие представители заседали за круглым столом. Восьмое же место занимал император – Сын Неба. Сбалансированная система, существовавшая с древнейших времен, пока не внедрились исшахины. Джантар усмехнулся: его отец всегда мечтал восстановить древнюю структуру правления, когда слово императора имело вес, а совет был однородным, без

примеси религиозной власти.

Исшахин – высшее жреческое звание, которого мог достичь в Гоанке простой смертный, пошедший путем религии. «Испившие кровь бога» – говорили про них простые жители страны. «Говорящие с драконом» – так называли себя исшахины, обладающие пугающей способностью видеть сквозь пространство, общаться друг с другом через расстояние. Лишь в них кровь бога-дракона звучала полно и отчетливо.

Несколько столетий назад, когда исчезла с лица земли одна из древних фамилий, место в совете опустело. Император, имеющий право назначать нового члена совета, выбрал не одну из уважаемых фамилий в Гоанке, а исшахина. Все одобрили его назначение, ведь наличие приближенного к богу возвысило Совет Семи в глазах народа. Что такое один исшахин против шести древнейших? Да только прошло несколько столетий, и в совете оказалось уже три исшахина, а от изначальных семи родов осталось лишь четыре. И вот теперь семья Джантара тоже под угрозой исчезновения. Если отца признают виновным в том, что он поднял руку на божественного потомка, на сына императора, то его казнят, а род Юндай сотрут с лица земли.

И Джантар был уверен, что подобное выгодно именно исшахинам. Они займут четвертое место в совете и фактически захватят власть в стране. По очевидному праву большинства.

Как раз этому он и хотел помешать.

В руках жрецов были маги, инквизиция и внутренняя разведка. Пугающая сила, которую от тотального диктата отделял теперь лишь один шаг

Глава 5

Мужчины вскоре вернулись, наполнив террасу бодрящим запахом дождя и ветра. Джантар позвал всех за стол. Мокрый, полуголый Верзила представился мне Эйданом и ушел переодеваться. Было так неуютно, что пропало всякий намек на голод. Но я лишь зло сжала кулаки и подошла к столу. Меня посадили

между Рималем и Джантаром, прямо напротив Тахира.

Над столом висела тягостная тишина. Я ежилась под насмешливым взглядом Зверя. Неуютно звенела посуда. Короткие фразы, призванные разжечь беседу, рассыпались по столу шуршавшей шелухой.

Вернулся Эйдан и шумно опустился на лавку рядом с Тахиром. Долго меня рассматривал, а потом весело спросил:

– Так ты выполняешь все приказы Демона, а, Николь? – Он головой качнул в сторону Джантара.

Я растерянно обвела взглядом всех сидящих за столом.

– Да, – едва слышно ответила, мучительно краснея.

– О, так значит, в нашей команде пополнение. – Эйдан подмигнул мне, а потом наклонился над столом в мою сторону и нарочито громко прошептал: – Мы тоже выполняем абсолютно все его приказы.

Сделал шумный глоток вина и добродушно добавил:

– Не завидую, он тот еще садист.

Я испуганно моргнула, не зная, что и сказать. Было очень неловко.

– Шучу, шучу, – рассмеялся Эйдан, – он самый лучший командир в Гоанке.

– Хватит паясничать, – добродушно проворчал Джантар.

– И что он тебе приказал? – не унимался Эйдан, вгоняя меня в краску. Я вдруг испытывала смешанное чувство благодарности и досады. Он хотел расшевелить компанию и перебрасывал на мою сторону первые опоры будущего моста. Вот только тема была выбрана уж очень щекотливая. У меня нестерпимо горели уши и щеки, но я осмелилась подыграть:

– Пырнуть ногу ножом. – Я сделала нарочито большие глаза, поддерживая шутливый тон беседы, а сама под столом от напряжения стискивала пальцы в кулаки.

– Кинжалом, – усмехаясь, поправил Джантар и добавил мне в тарелку мяса, а в бокал вина.

Эйдан заразительно рассмеялся, давясь фразой: «Вот садист». Я даже улыбнулась.

– Интересно ты развлекаешься, – хмыкнул вдруг Тахир, – приказал бы раздеться, станцевать, поцеловать… Тем более, мы-то знаем, что она точно в твоем вкусе.

Меня словно ушатом холодной воды окатило от его слов.

– Какой унылый у тебя опыт, – протянул Джантар, – я предпочитаю в постели добровольность.

Тахир весело рассмеялся.

– Я вижу перед собой доказательство этой «добровольности».

– Мальчики, свои сексуальные предпочтения обсудите потом. Джантар, что делаем дальше? – прервала странное веселье Талиса, кивнув в мою сторону головой.

Я вздрогнула. Девушка озвучила тот вопрос, который я не осмеливалась задать. С ужасом замерла в ожидании ответа, касающегося моего будущего.

– Выдвигаемся завтра, как и планировали. Все подробности утром, – отрезал Джантар тоном, не допускающим лишних вопросов. Его шершавая ладонь вдруг накрыла мой сжатый кулак и успокаивающе погладила, заставляя пальцы разжаться. Он словно незримо для всех уговаривал меня не сдаваться и не нервничать понапрасну. Странное ощущение защиты от человека, перед которым я была более всего уязвима.

Вся дальнейшая беседа за столом пролетела мимо меня. В голове шумело от выпитого вина и странного жара, разливающегося от кончиков пальцев левой руки. Неизвестность душила и сжимала горло до тошноты. Я с трудом понимала их диалоги, состоящие, видимо, из обрывков старых шуток. Так обычно разговаривают лучшие друзья – намеками, полуфразами. Вскоре все расслабились и уже не обращали на меня внимания. Доброжелательно подтрунивали друг над другом. Теплота их слов проносилась над моей головой, изредка задевая мимолетным ощущением уюта. Но сколько я ни уговаривала себя хотя бы попробовать влиться в беседу, сил даже на попытку уже не хватало.

***

Я настороженно смотрела, как он расстилает себе постель на полу вдоль печки, перекрывая выход. Чтобы я не вышла, или чтобы никто другой не вошел?

После вымотавшего меня ужина мы все разошлись по комнатам. В доме обнаружилась еще одна спальня, совсем маленькая, ее заняла Талиса. На террасе устроились мужчины. Джантар же увел меня в ту комнату, где я впервые очнулась, и без объяснений стал готовиться ко сну. Раскатал потрепанный матрас и теперь заправлял свежую простыню. Мое сердце пьяно скакало в груди, то замирая от страха, то учащенно стуча, словно пойманная бабочка. У меня аж уши заложило, когда поняла, что ночевать Джантар планирует со мной в одной комнате. Но не успела я испугаться, как он раскрыл ширму, скрывающую кровать, и демонстративно стал готовить отдельную постель себе. И мой неловкий вопрос застрял в горле. Быстро окатилась водой в тесной душевой, переоделась в очередную рубашку Джантара, доходящую мне до середины бедра, и вернулась в комнату. Он стоял у окна и, видимо, ждал своей очереди в умывальню. Я попыталась пройти мимо него, но Джантар вдруг остановил меня, коснувшись плеча:

– Ты почти ничего не поела.

Надо же, а я и не заметила. Неопределенно пожала плечами и посмотрела на свои босые ноги. Мои ноги. Мне хотелось как можно быстрее укрыть их одеялом.

– Николь, посмотри на меня. Боишься? – он дотронулся до подбородка другой рукой, вынуждая потеряться в его глазах.

Не было сил на слова, я закусила губу. Неужели сам не понимает?

– Правильно делаешь. Страх логичен. Николь, в нашем мире нет для тебя теплого места. О тебе некому позаботиться.

Равнодушный спокойный голос слышался словно издалека. Я замерзала от колючих слов и плавилась от тепла его рук. Хотелось выпутаться или попросить ничего не говорить. Голова шла кругом от столь противоречивых эмоций. И еще этот его странный тревожащий взгляд, который я была не в силах разгадать.

– У женщин здесь не так много вариантов устроиться. Замужество, армия, сестринство, бордель.

Ох, демон, зачем ты вначале обещаешь защиту, а потом обрушиваешь всю неприглядную жестокость мира. Слишком много событий за несколько часов для одной меня. С трудом отведя взгляд, вырвалась из его рук и отошла к ширме. Сразу стало легче дышать. От окна несло холодом, остужающим мои пылающие щеки. Раскисла? Захотела легко устроиться, пригреться под первым попавшимся мужчиной? Злая досада на саму себя, наконец, привела меня в чувство. Я спиной ощущала его взгляд. Понимал ли он, какие позорные мысли одолевали мою бедовую голову? Ведь на какое-то мгновение была готова за ощущение покоя лечь под него? Как самая распоследняя дура… Изо всех сил закусила щеку. Сутки еще не прошли, а я уже сдалась. Даже на улицу не вышла, носу из дома не показала, а уже ищу мужскую спину, за которой можно укрыться. Ради этого мне подарили жизнь?

Во рту появился мерзкий металлический привкус. Я обернулась к Джантару. В сгустившейся темноте он был едва различим.

– Замуж и в армию меня не возьмут, в бордель сама не пойду, расскажи мне о сестринстве.

Было странно стоять перед ним в одной рубашке на голое тело и обсуждать своё будущее. Но, похоже, он и так тянул с этим разговором до последнего. Давал мне время перевести дух.

– Татки – прислуга, малообразованная, с минимальными правами. Фактически рабыни. Травницы занимаются сбором полезных растений и изготовлением лекарств. Живут общинами обособленно в Белых Землях. Узорницы изготавливают ткани, шьют одежды, к ним идти не советую, быстро сгоришь в цехах. Все остальные сестринства закрытые, и туда со стороны не попасть.

Он сделал шаг ко мне и медленно пропустил прядь между пальцев, словно извиняясь, что не будет легкой жизни. Я слышала, как пульсировала кровь в висках.

– Предлагаешь к травницам идти?

Джантар кивнул и практически неуловимо коснулся ладонью моей щеки:

– Ложись спать, Николь, завтра рано вставать.

И ушел в душ. А я просто упала в кровать, измученная долгим непривычным днем.

Глава 6

Я проснулась засветло и в первые несколько секунд даже не могла вспомнить, где нахожусь. Мир вдруг сузился до знакомого серого луча из окна. Я снова, как и вчера, подставила руку, заставляя пылинки плясать в потревоженном воздухе. С утра душившая меня паника отступила. Вчерашние страхи одиночества и незащищенности притупились. Я с удовольствием потянулась и опустила ноги на пол. Выглянула из-за ширмы и увидела, что Джантар уже сидит и читает небольшую книжицу при тусклом свете свечи.

– Я вспомнила свой мир, – прошептала я.

Он легко поднялся и подошел ко мне. Опустился на край кровати.

– Сплошной камень. Стены, пол, потолок. Камень повсюду, и даже улицы сплошь каменные. Дома высоченные, несколько этажей. Но верхушки домов словно бурей слизаны – лишь торчат железные кости. И мусор везде. Целые горы. И запахи жуткие. Помню, что на улицу страшно было выходить. Кажется, последние дни я и не выходила. И еды не было. Совсем…

Я рассказывала, выливая скупые отрывочные воспоминания короткими фразами. Прошлая жизнь представала передо мной неохотно, осколками мозаики. И я никак не могла ухватить целую картинку. Но и этих крох хватало, чтобы понять со всей отчетливостью – здесь лучше. И страхи свои я притащила из прошлого. И на улицу не вышла, и в зеркало не пыталась особо взглянуть, потому что в прошлой жизни там не ждало меня ничего хорошего. Ни за дверью, ни в отражении. И ничего за столом не ела по той же причине – въевшаяся привычка «умирать». И взрыв не жизнь у меня отнял, а закончил медленную смерть.

Я вдруг вскочила и, не глядя по сторонам, бросилась прочь из комнаты. Пересекла за один удар сердца террасу, перескакивая через ноги спящих мужчин, и вылетела на крыльцо.

Ранее утро обхватило меня влажными руками и взъерошило волосы. Аж губы задрожали от восхитительного ощущения густоты воздуха. От вида темного сонного леса и чистого неба в душе поднималась пьянящая эйфория, и до слез щипало в носу. К травницам? Да в этом мире, где не пахнет войной, на столах есть еда, а у людей ясные глаза без страха, я готова делать что угодно! Траву собирать? Да, тысячу раз да!

Сзади хлопнула дверь. Прижимая к груди трясущиеся от возбуждения руки, я оглянулась и увидела заспанного Эйдана.

– Я забыла, как пахнет трава, понимаешь? И воздух… он такой…

От восторга у меня закончились слова. Эйдан вдруг коротко хохотнул и толкнул в спину, спихивая с крыльца. Я взвизгнула, неуклюже покачнулась и ступила босыми ногами прямо на влажную землю, нелепо растопырив руки. Обернулась и подавилась возмущенным возгласом – Эйдан спрыгнул вслед за мной.

– Ногами слушай, – коротко бросил он мне и медленно пошел по траве, сверкая босыми пятками. Шаловливый ветерок пробежался по моим ногам и заглянул

под рубашку. Невольно поежилась и улыбнулась.

Солнце робко выглядывало из-за леса, сдвигая понемногу тень от стволов. С другой стороны от долины, где стоял дом, вздымались крутые стальные склоны, напоминающие обломки клыков. Верхушки искрились в лучах солнца так ярко, что больно было смотреть. Покой, свежий воздух, прозрачная тишина, которую разрушить боязно словами. Я задрала голову, подставляя лицо ласковой безмятежности ветра. В том мире тело принадлежало мне полностью, да только жизни не было. Война. Страшная, когда уже никто не понимает, где ее конец. А здесь, пусть тело чужое и мне не принадлежит до конца, но даже воздух звенел от переполняющей энергии жизни. Я улыбалась своему первому утру здесь. Я буду жить. Просто научусь жить в этом мире. Невзирая на «если» и «но». Трава крепко обнимала ступни, ветер ласкал голые ноги, солнце теплыми ладонями грело плечи. Я не буду спешить. Не буду врываться в этот мир со своим миллионом вопросов. Не стану вытаптывать себе место, выгрызать зубами нишу. Все это было в прошлой жизни и не принесло мне счастья. Сделала глубокий вдох, втянула насыщенный ароматами воздух и пообещала себе не торопиться, не паниковать и довериться новому миру.

– У тебя уже губы синие, пора возвращаться, – раздался голос над ухом.

Я вздрогнула от неожиданности. Огромный Эйдан подкрался совершенно бесшумно и теперь стоял совсем близко. От него пахло ветром.

Развернулась и впервые посмотрела на Верзилу внимательно. Странный, пугающий, наполненный медвежьей силой. Эйдан был в одних штанах, низко сидящих на бедрах, и я невольно зацепилась глазами за причудливое переплетение шрамов и татуировок на коже. Мое сердце пропустило удар. Белесая отметина пролегала от ключицы по диагонали вниз, а рядом тонкая вязь рисунка. Рубец на плече – и снова незнакомые мне символы. Забывшись, я протянула руку и невольно провела вдоль белой полоски на бронзовой коже. Как же много историй оставило свой след на этом теле, звеневшем от силы. Каждая линия, исполосовавшая кожу, переплеталась с синей нитью татуировки. В этом была пугающая и завораживающая красота. Вспомнила, как поблескивала в свете свечей кожа у Джантара, ровная, без единого шрама. Да и действие мелитной мази я успела оценить. На моей ноге к утру не осталось и следа от вчерашнего пореза. Получается, Эйдан нарочно сохранял свои шрамы и даже добавлял к ним татуировки?

Осознав, что стою и беззастенчиво рассматриваю чужое тело, да еще чуть ли не руками трогаю, я залилась краской стыда. Стремительно отвернулась и поспешила к дому. На крыльце уже переминался Рималь, у его ног стоял тазик с водой. А на ступенях сидел Джантар, чей взгляд я снова была не в силах разгадать. Меня аж озноб пробил. Увидев, что мы уже возвращаемся, он коротко кивнул и ушел в дом.

Я смывала налипшие травинки и зеленый сок с ног и боролась сама с собой. То мне хотелось подойти к этому Демону и прямо спросить, почему он вот так смотрит? То вдруг внутренне себя одергивала – а нужны ли мне ответы? Ведь еще чуть-чуть – и мы расстанемся навсегда.

Так ничего и не решив, я вернулась в комнату и надела привычные мягкие штаны, сидящие мешком, рубашку и жилетку. Раз уж решила довериться судьбе, то попробую быть последовательной. Если мне нужны ответы, у меня будет удобный повод их узнать.

***

Красивая. Я стояла перед зеркалом и понимала, что тело, доставшееся мне, было очень близко моему представлению о красоте. Это смущало и радовало одновременно. А вот глаза мои. Разрез чуть другой, ресницы гуще и темнее, а радужка точь-в-точь такая же, как была в прошлой жизни. Как такое возможно? Понятно теперь, почему так вздрагивают мои спутники.

За завтраком мне объяснили, что они все идут в какие-то Белые земли. Сколько ни пыталась, так и не нашла в их словах ни намека на цель похода. И в начале предстоящего пути находится приют травниц «Тишинка». Трехдневное путешествие – и я окажусь там, где мне, скорее всего, предстоит провести всю оставшуюся жизнь. Если захочу, добавляла я про себя.

Похоже, это местный аналог монастыря. Первое время я буду там послушницей. Никаких прав, работу мне будут давать самую простую. Но я могу остаться, могу уйти. А вот через пару лет примерного послушания мне предложат вступить в сестринство. И тогда обратной дороги уже не будет. Это как постриг, только без религиозной основы. Хотя ощущение, что мне предлагают вступить в закрытую

секту, не покидало меня. Но я не позволяла себе паниковать. Целых два года! Достаточный срок, чтобы спокойно познакомиться с миром, узнать о нем побольше, и уж тогда решать. Кто знает, может мне там понравится, и я с удовольствием приму сестринство травниц. Но все же надеялась, что озвученные Джантаром скудные перспективы – это лишь отражение его прямолинейной мужской позиции. И у женщин в этом мире гораздо больше возможностей найти свое место.

Они планировали выйти сегодня утром, но я спутала карты. Пришлось задержаться, чтобы подготовить меня.

На мои робкие вопросы выяснить хоть что-то по поводу своего появления Джантар хмуро отмалчивался, а остальные, похоже, следовали его примеру.

И теперь я стояла в магазине одежды и подбирала комплект для похода. Вместе с Талисой. Необходимые женские мелочи мы купили раньше.

Я уже поняла, что мы с ней не подружимся, и лишь недоумевала, почему она так скрупулезно помогала мне обзавестись всем необходимым для личного пользования.

Хотя, признаться, после перехода через портал меня мало что могло всерьез удивить. В первые секунды я была возбуждена и растеряна, словно маленький ребенок в парке развлечений. После обычных двух шагов мы вдруг оказались совершенно в другом месте. Холодный чистый ветер сменился тяжелым и теплым воздухом, переполненным терпкими и пряными ароматами. Эйдан и Тахир сразу после выхода из портала отправились на видневшийся неподалеку рынок со списком. Джантар проводил нас до магазинов и ушел по своим делам.

Не успела я толком оглядеться, как уже оказалась внутри лавки. В памяти остались лишь каменные стены невысоких двухэтажных домов, украшенные причудливым металлическими решетками, да повороты по узким улицам, украшенным белыми цветами и лентами. Стремительные покупки Талисы в чудных лавках – и вот я здесь, перед зеркалом, впервые рассматриваю себя. На мне сложный кожаный костюм, похожий на тот, что лежал в ящике под кроватью. И мне чудился в нём какой-то неестественный вызов. Слишком поднята грудь, слишком стиснута талия. Все слишком про секс. Я не могла отделаться от короткой фразы Джантара, крутившейся в голове:

«– Зачем тебе это тело?

– Чтобы трахать»

В этом наряде я словно предлагаю себя. Посмотрела на мрачную Талису, не проронившую ни слова за всю дорогу. Вот странно, она ведь в похожих одеждах. Но не смотрится дешевкой, выставляющей себя напоказ. Настоящая львица, знающая себе цену. Может все дело в силе, которая исходит от нее. В уверенности?

Я снова посмотрела на себя в зеркало и поняла окончательно – так одеваться не смогу. Хотелось мягкости, уютности, защищенности. Хотелось вернуть мужские великоватые штаны, не позволяющие меня разглядывать. Испугалась, вдруг тут не найдется ничего похожего, но Талиса поняла по моим путаным объяснениям, что я хочу. С удивившей меня охотой она завалила меня новыми вариантами нарядов.

Струящиеся ткани, складки. Шаровары, оставляющие на виду лишь ступни. Мягкие туники, подхваченные широкими поясами. Свободные рукава с высокими манжетами. Все украшено нежной вышивкой. Ткань была обманчиво легкой и местами полупрозрачной, но не открывала ничего лишнего. Посмеявшись над своим простым желанием быть красивой, я довольно улыбнулась себе в зеркале. Чудесно, то, что надо. Даже не хочу спрашивать, насколько уместны будут эти наряды здесь, в городе, или в путешествии. Мне было очень комфортно и удобно. Продавщица, услышав, что я иду в поход, принесла мне меховую жилетку и теплую накидку. Укоризненно покачала головой, посмотрев на мои босые ноги, и услала куда-то помощницу. Вскоре мне принесли обувь.

Я примеряла удобные светло-желтые мокасины, когда Талиса впервые заговорила со мной.

– Какая у тебя цель?

Я недоуменно пожала плечами:

– Выжить.

– У Джантара сейчас тоже цель выжить. А ты помеха.

Я растерянно подняла на нее глаза. О чем она?

– У тебя вид побитого котенка, которого срочно нужно приютить. А он не может отмахнуться от тебя, потому что для него это равносильно отмахнуться от Акины. Ты словно якорь, брошенный в прошлое, а ему надо бороться за будущее.

– Через два дня я уйду к травницам, – глухо ответила я, начиная понимать причины ее неприязни.

– Ну, так покажи ему, что ты не нуждаешься в нем. Позволь ему идти, не оглядываясь на тебя.

И Талиса вышла из магазина, оставив меня среди стопки новых нарядов. Я вздохнула, вымученно улыбнулась доброй продавщице и снова посмотрела на свое отражение. Ведь даже не успела спросить, кто такая Акина, что случилось у Джантара, и причем тут я. Занятая мыслями, даже не заметила, как надела привычную уже мешковатую одежду с мужского плеча, расплатилась за все из оставленного мне кошелька, забрала покупки и вышла. Талиса стояла неподалеку и хмуро ждала. В ее глазах был понятный теперь вызов.

– Джантару повезло, что у него есть друзья, которые о нем заботятся.

Вот и все, что я смогла выдавить под ее мрачным взглядом.

– Эта одежда и правда идет тебе больше, чем боевая, – сказала Талиса мне в ответ. Кажется, я догадалась, когда умудрилась перейти ей дорогу. Зря она так. Его лицо становилось теплым, когда он смотрел на нее, а не на меня. Может, нам удастся сохранить хотя бы видимость нейтралитета?

И Талиса повела меня куда-то вглубь петляющих улиц, заполненных белыми украшениями.

– Что за праздник? – не удержалась я от вопроса.

– Траур, – коротко ответила мне Талиса, показывая, что не настроена общаться.

Вскоре мы вышли к овальной площади с фонтаном посередине. Я залюбовалась кольцами каменного дракона, из пасти которого била звенящая струя, и не сразу увидела Джантара. Он стоял у большого здания, чьи массивные двери напоминали кованые ворота. Высокий, сильный мужчина, который ни за что не расскажет о своих проблемах. Он скупо нам улыбнулся, кивнул и приглашающе махнул рукой внутрь.

Безликие коридоры, серые двери, запах пыли и старой бумаги. И вот я стою перед равнодушным служащим в синих одеждах и протягиваю руку. Неожиданный укол в палец, капля крови, упавшая на бумагу. Голубоватая вспышка.

Сложнее всего дается мне осознание, что этот мир наполнен магией. Не сразу поняла, что незнакомый мужчина протягивает мне небольшую плотную бумагу, слегка мерцающую на свету. Странные символы разбегаются, не желая складываться в слова. Я недоуменно моргаю и усилием заставляю буквы стоять на месте. Служащий что-то говорит, но слова падают вокруг меня, не долетая до ушей. Медленно, словно первоклассник, я читаю по слогам вслух:

– Николь Одар.

Голова гудит от напряжения. Я читаю? Это документ? Сзади раздается приглушенное:

– Джантар, твой отец не одобрит.

И снова знакомая ладонь на плечах. Я растерянно иду, влекомая Джантаром к выходу. В руках дрожит документ с моим именем и чужой фамилией, а я думаю лишь о том, что могу читать. А ведь даже испугаться не успела, просто не подумала, что неграмотной устроиться в мире будет куда как тяжелее. Очнулась уже на улице, когда Джантар ощутимо тряхнул меня за плечи, насмешливо улыбаясь:

– Я дал тебе свою фамилию, которая когда-то принадлежала моей бабушке. Она была последняя в роду, поэтому я, как единственный наследник, имею право на подобный шаг. Это не дает тебе привилегий, но, возможно, однажды обеспечит тебе защиту. Теперь ты полноценный житель нашего мира.

Джантар забрал у нас из рук мешки с моими покупками и снова вложил в мою руку почти опустевший кошель с монетами, который я успела ему отдать.

– Прогуляйтесь до рынка. Встретимся у портала через час.

Он обжег меня своим пугающим взглядом и стремительно ушел, а я обессилено опустилась на ближайшую скамейку.

– Он отдал тебе фамилию древнего уважаемого рода. А ты даже не сказала спасибо.

– А разве у него не фамилия Юндай? – только и смогла я выдавить, все еще пытаясь осознать произошедшее.

– Это фамилия означает титул, главная. А фамилия Одар перешла к нему после смерти бабушки. У таких семейств всегда несколько фамилий.

Джантар дал мне свою фамилию. Я спотыкалась об эту фразу, проговаривая ее снова и снова, не в силах думать о чем-то еще. Странный мир. Как же сложно не вспоминать о том, при каких обстоятельствах в моем прошлом мире взрослый мужчина давал женщине свою фамилию. Слишком много мыслей о человеке, которого нужно убедить, что я не нуждаюсь в нем. Даже если на сегодня это не так. Мрачный и пугающий. Острый как бритва. Он был для меня опорой, стеной. Но Талиса права – я должна как можно быстрее освоиться в этом мире и идти дальше. Освободить Джантара от навязанной обузы.

– Талиса, расскажи об Акине.

Глава 7

Шумный рынок. Надо же, другой мир, странные обычаи, магия, порталы… а рынок словно низменная сердцевина любого мира – такой знакомый, такой интуитивно родной. Неимоверная смесь запахов, пестрая круговерть пятен и звуков. Сжимая кошель с монетами, я с предвкушением окунулась в понятную мне стихию, искрящуюся балаганной праздничностью. В стране, где до сих пор

висели траурные ленты по погибшему наследнику (Талиса всё же уточнила, по ком скорбь), рынок был отдельным государством, далеким от внешней политики и громких событий. Как и везде во все времена, во всех мирах, здесь царило лишь желание общаться. Соприкасаться с миром, обмениваться энергией друг с другом, покупая или продавая вещи.

Акина. После рассказа мне стало многое понятно. Забота Джантара, приправленная злостью. Его странные взгляды, будто ищущие что-то во мне. Его желание дотрагиваться. Презрение Тахира, нелюбовь Талисы. Показное равнодушие Эйдана, с привкусом горечи. Только Рималь не знал Акину, только от него шло незамутненное любопытство.

Я выслушала скупой рассказ Талисы и от души поблагодарила. Как же, оказывается, много сил отнимали внутренние попытки разгадать мотивы поведения людей, с которыми столкнула судьба. Что же, все это было не про меня. А про Акину, которую они видели во мне. И сразу стало легко отделить себя от странных слов и смущающих намеков. Похоже не только мне сейчас непросто.

К черту.

Я бродила между палаток и лавок, давно потеряв Талису. Было совсем не страшно. Хотелось побыть одной, ощутить, как мир обнимает именно меня, как люди видят лично меня. Здесь, среди смуглых улыбающихся продавцов, которые на секунду вздрагивали при виде моих глаз, а потом пуще прежнего заманивали к своим товарам, я ощущала себя чистой, без наносной шелухи старой чужой жизни.

Рынок вобрал меня такую, какая я есть. Глупая, неловкая, совершающая нелепые ошибки, одетая в мужскую одежду голубоглазая Николь, не тень Акины, созданная для утех. И я хотела зацепиться за эту искреннюю сердцевину мира, покупая совершенно ненужные мне мелочи: тонкую шаль, маленького котенка из белой кости, шелковый пояс с монетками по краю, потрепанный сборник детских сказок. Купалась в улыбках, застревала у некоторых лавок и кивала словоохотливым продавцам. Слушала чужие, непонятные пока мне истории. Купила у звонкоголосого мальчишки неизвестную мне сладость в промасленной бумаге. Орехи, застывшие в пряной патоке. Кинула монетку музыканту, цепляющему струны моей души мелодией, льющейся из простой дудочки.

Я совершенно ошалела от восторга, когда добрела до рядов со специями. Меня охватил такой непонятный трепет, что я сама себя испугалась. Странная выходка с салатом ушла на задний план. Мне хотелось не просто нюхать, хотелось окунать руки, перетирать в пальцах неизвестные травы и вдыхать. Продавцы подшучивали над моим возбужденным видом, но я словно потеряла связь с реальностью. Мне вдруг стало казаться, что от специй исходит не только аромат, но и чувства. Словно ощущала, с какими эмоциями их собирали и сушили.

Замерла около неприметной лавки добродушного старика и купалась в непонятном покое, исходящем от его товара. Никаких красивых упаковок, ярких лент, призывных колокольчиков. Но я была четко уверена: тут самые настоящие сокровища. Не простые запахи специй, а эмоции, воспоминания, настоящие дары для тех, кто умеет слушать. И снова у меня защипало в носу. Не припомню, чтобы в прошлой жизни я так реагировала на простые вещи. Старичок как-то понимающе крякнул, усадил меня на свою трехногую табуретку и принялся собирать мне в полотняные многослойные мешочки различные травы. Мы оба с ним понимали, я не уйду отсюда с пустыми руками. Нам даже слова не требовались. Он ласково улыбался, качал головой, что-то шептал и морщинистыми руками упаковывал эмоции мне в дорогу. Уходя, я крепко обняла его и от души пожелала здоровья. А он посоветовал мне больше прислушиваться к рукам и крепко их сжал.

Сумка оттягивала мне плечо, но я почти не замечала этого. Шла к выходу из рынка, остро понимая, что предоставленный мне час давно истек. Может, я и не смогу подружиться с этой компанией, ведь между нами всегда будет стоять тень Акины, но я точно смогу жить в этом мире, дарящем мне столько эмоций. Как никогда я ощущала, что этот мир умеет обнимать.

На выходе меня ждал мрачный Эйдан. Я думала, убьет, настолько тяжелым был его взгляд. Он стискивал рукоять меча, висевшего на поясе. Но Верзила лишь кивнул мне и без слов развернулся. Кажется, мой час по рынку оказался куда как длиннее. Злится. Через несколько шагов он оглянулся на меня. Его лицо стало вдруг добродушным. Он забрал из онемевших пальцев сумку и повел к портальной площади.

И снова два головокружительных шага – и мы в другом месте.

Низенькие дома с черепичными и соломенными крышами на пологом склоне. Дремлющая деревня под полуденным солнцем. И две дороги: одна широкая, добела утоптанная, вела к поселению, другая тонкой тропинкой убегала к россыпи невысоких гор. Неподалеку от портальной площадки обнаружился Джантар с друзьями. Рядом с ними терпеливо стояли лопоухие ослики с поклажей на спине и, кажется, дремали под жаркими лучами. Я испытала смешанное чувство облегчения и благодарности. Подспудно опасалась, что придется нести вещи на себе.

По глазам встречающих видела, как много они хотели бы мне сказать. Но не стали. Неловко качнулась с пятки на носок и тихо сказала:

– А я приправ каких-то купила.

Было стыдно. Люди из-за меня на несколько часов отложили выход, а я по рынку гуляла в свое удовольствие, совершенно обо всем забыв. Эйдан обернулся ко мне и удивленно переспросил:

– Так ты даже не знаешь толком, что купила?

Неопределенно пожала плечами. Ну не рассказывать же, что я принесла эмоции. И лишь интуитивно могла предположить, какие специи куда лучше применять. Суть ведь была вовсе не во вкусе. Но я внутренне смущалась своих ощущений. Нелогичных, абстрактных.

– Торговец сам мне всё собрал, – наконец выдавила растерянно.

Эйдан вдруг рассмеялся, а остальные недоуменно на него уставились.

– Гляньте, – и он достал один из подписанных мешочков. Грубая мешковина с вплетенными зелеными нитками.

– Специи старика Цзя-Иня? – ахнула Талиса. – И сам собирал? И в лавку пустил?

– Чем это ты его проняла? – как-то двусмысленно хмыкнул Тахир.

– И тебе хватило денег? – удивился Джантар.

А я стояла и как рыба бестолково открывала рот. О чем они вообще? Но когда попытались достать другие мешочки, вдруг рассердилась. Неожиданно для самой себя.

– Не трогайте, вы же испортите, – воскликнула, отбирая холщовую сумку. Мои уши пылали от стыда, но я была, как никогда, уверена – нельзя вот так бесцеремонно обращаться с тем, что продал мне добрый старик Цзя-Инь. Но удивительно, все лишь понимающе покачали головами. Джантар наклонился к моему лицу и тихо проговорил:

– Нести устанешь, пристрой среди поклажи сама.

Снова необъяснимое поведение людей и странные загадки этого мира? Я творила что-то, мне самой непонятное, а для них словно все было в порядке вещей. А ведь Эйдан прав, я большую часть содержимого совсем не знаю. Какие-то травы, россыпь горошков, орехи разные, сухофрукты, брусочки чего-то спрессованного, порошки, пара баночек с восковой крышкой. Интересно, а ведьмы у них тут есть? Потому что я на секунду ощутила себя колдуньей, которая собралась варить зелье.

Улыбаясь своим мыслям, я крутилась вокруг благодушных осликов и искала подходящее место для сумки. Мужчины о чем-то сдержанно переговаривались. А я наполнялась детским предвкушением дороги, поглядывала на горы и до одури напивалась этим новым миром. Густым, энергичным, насквозь пропитанным жизнью и эмоциями.

От деревни к нам приближалась группа людей во главе с пожилым мужчиной. Низенький, сутулый, суетливый. И люди, державшиеся за его спиной, тоже были невысокого роста. И вдруг то, что я не желала замечать на рынке, воочию увидала сейчас: Джантар и его друзья отличались от других. Они были выше, мощнее, от них шла необъяснимая сила. Словно из другого теста их лепили, более тяжелого. Или вовсе не из теста, а из тягучей смолы.

Подходивший к нам мужчина остановился в трех шагах и низко поклонился. Джантар шагнул к нему навстречу и тоже учтиво поприветствовал визитеров поклоном.

– Да не иссякнет могущество темной крови, – мужчина еще раз коротко кивнул, – я староста Даотин Лиран. Позвольте узнать, куда путь держите? Уж не в Тишинку ли?

– Да, к травницам хотим заглянуть, – кивнул Джантар.

– Господин, вот уже которую неделю нет вестей из приюта. И люди не возвращаются. Я посылал запрос наверх, но пока никто не приезжал, – староста не посмел сказать что-либо еще, но просьба о помощи звучала в каждом его слове.

– Спасибо за предупреждение, – проговорил Джантар. Он услышал невысказанную мольбу разобраться с проблемой на дороге.

– Легкой вам дороги, – сдержанно ответил Даотин Лиран. Похоже, он хотел услышать другой ответ. Пряча разочарование за морщинами вежливой улыбки, Лиран еще раз поклонился и ушел. За ним последовали и его люди, не скрывающие досаду. А Джантар обернулся и обжег меня тяжелым взглядом, словно что-то решая. Я потупилась и вернулась к привязыванию сумки к поклаже. Неужели отменит все? Что теперь? Там что-то опасное, и он из-за меня откажется туда идти? Я обуза. По его глазам видела, что не будь меня – он бы моментально откликнулся на просьбу жителей о помощи.

– Я готова, идем? – разорвала мучительную тишину своим дрожащим голосом. Людям нужна помощь, а мне нужно к травницам. Может, они смогут мне объяснить мою странную реакцию на обычные специи? После посещения рынка не могла отделаться от мысли, что в приюте мне будет хорошо.

Не знаю, мои ли слова подействовали, или у Джантара были свои соображения, но он подошел к одному из осликов, потрепал по жесткому чубчику и дернул за поводья. Все остальные переглянулись и двинулись вслед за ним по узкой тропинке. Второго ослика потянула за собой Талиса. Третьего, у которого стояла я, взял под уздцы Эйдан:

– Идем, до привала далеко. Устанешь – скажешь.

Глава 8

– Эйдан, почему вы так удивились моей покупке, – осмелилась я спросить Верзилу, когда деревня скрылась за очередным поворотом, оставив нас в тишине предгорья.

– Старик Цзя-Инь сам выбирает покупателей. И купить у него хоть что-нибудь считается большой честью. По какому принципу он отбирает достойного, никто так и не понял. Ему совершенно не важны богатства и титулы. Особо свое расположение он показывает тем, что насыпает специи сам. Признаться, никогда не слышал, чтобы он кому-либо продал так много одновременно. У тебя в мешке целое состояние, по меркам обычных людей. А ты даже не знаешь, что там и куда применять.

«Не знаю», – вздохнула я про себя, – «но почувствую».

– Как же он до сих пор не разорился? Так ведь можно всех покупателей отпугнуть.

А сама при этом вспоминала сетку морщин и крошечные бусинки глаз, ласково глядящие из-под толстых седых бровей. И понимала, в другом месте и не захочу теперь покупать пряности. Эйдан хмыкнул:

– Мать хранила все мешочки в шкатулке на верхней полке. С детства помню их, с зеленой ниткой.

Солнце припекало макушку, а дорожная пыль бежала вслед за нами. Эйдан неспешно, с паузами, уместными в его монологе, рассказывал о том, как его мать каждый год перед праздником весны ходила на рынок. Как готовилась к походу, мылась с особыми травами, читала ей одной понятные книги. А потом нарядная и с сияющими глазами с раннего утра уходила на рынок. Как он мальчишкой ждал ее у калитки.

– И, казалось бы, обычный изюм. Точно такой же сморщенный и блеклый, как и у других продавцов. А может даже еще невзрачнее. Ведь Цзя-Инь не прилагал усилий, чтобы товар выглядел привлекательно. Но пироги получались самыми вкусными именно с его изюмом.

Я слушала и нутром ощущала: нельзя его спрашивать, почему рассказывает в прошедшем времени. Нельзя омрачать такие светлые воспоминания вопросом, ответ на который и так очевиден.

– А знаешь, она всегда приговаривала, что к старику главное идти с чистым сердцем. Чтоб ни одной мрачной мысли на душе не было. Только тогда он пускает в свою палатку. Может, потому тебя так и приветил, что ты …

Эйдан замялся, подбирая слово.

– Новенькая? – попробовала подсказать ему я.

– Угу, – согласился Верзила, а по глазам видела, что искал он слово с другим смыслом.

Я вдыхала влажный горячий воздух, наполненный запахами трав и цветов. Мы шли в конце нашего маленького каравана, и я беззастенчиво разглядывала нечаянных попутчиков. Знакомая широкая спина Джантара в ремнях с висевшими крест-накрест мечами слегка изогнутой формы. Талиса шла вслед за ним, легким пружинистым шагом, красиво покачивая бедрами, увешанными кинжалами в ножнах. Почти такие же, но поменьше, были прикреплены ремнями чуть выше лодыжки. На предплечьях тускло мерцали острыми лезвиями ряды звездочек. Невольно поежилась, признавая восхитительное сочетание женственной красоты и опасности, исходящее от Талисы. Девушка делала вид, будто меня не существует, откровенно игнорируя.

Пугающий меня Тахир удивительно легко, практически невесомо бежал не по белесой тропе, а по соседним холмам. То исчезал впереди, то показывался снова, подавая Джантару лишь им понятные знаки. Видимо, он исполнял роль разведчика. В его руке был зажат лук, а за спиной висел колчан, плотно набитый разными стрелами. И так же, как и сестра, он был увешан кинжалами и ножами.

Даже Рималь, отличающийся от прочих, был с оружием. Одна я была без единого средства защиты, но я не ощущала, что в этом мире мне нужно чего-либо опасаться.

«Ты не умеешь обращаться с кинжалом»

Солнце перестало смотреть в макушку, тихонько склоняясь к западу. Я по-прежнему шла рядом с Эйданом. Мы осторожно прощупывали друг друга бестолковыми вопросами. Ведь мне особо нечего было спрашивать, слишком странные мысли крутились в голове, чтобы их сходу озвучивать.

И на его вопросы не могла толком отвечать – сохранилось очень мало воспоминаний. Словно вместо книги о моей жизни остались лишь наугад вырванные страницы да глоссарий.

***

Давным-давно, много столетий назад в центре материка взрыхлила почву, подняла и перевернула горы, обернула реки вспять огромная глыба, обрушившаяся с неба. Пропахав собой тело земли, она замерла посреди разрушенных Белых гор. Жители всех стран были слишком озабочены вызволением людей из пострадавших районов да оплакиванием погибших, чтобы найти силы на исследование пришельца. А когда все успокоились, вдруг обнаружили, что к уснувшему гостю уже не подобраться. Провалился он сквозь расплавленные камни глубоко вниз, в паутину древних пещер. И снова не стали проявлять настойчивость безмятежные жители цветущего мира. Проще было слагать байки да петь песни о чуде, свалившемся с неба, чем отважиться и спуститься в бесконечные недра потревоженных гор и посмотреть, что же так грубо вторглось в их мир. А потом появились новые легенды, новые истории стали рассказывать в тавернах. И о глыбе забыли.

Но вскоре обнаружилось, что портальные площадки, находящиеся вблизи спящего гостя, стали работать нестабильно. Но так уж случилось, что все государства на границе Белых разрушенных гор в то время увязли в затяжной и беспощадной войне. Неладные площадки закрыли, решив, что с ними можно разобраться и потом. И жители из труднодоступных теперь поселений постепенно перебрались в более оживленные районы. События, растянутые на многие столетия, остались незамеченными для вечно занятых обитателей доброго края. То войны, то эпидемии, то робкие несколько лет затишья, когда люди просто зализывали раны после войны и пытались восстановить нормальную жизнь.

Вокруг дремлющего гостя постепенно образовались Белые земли, где не работали порталы, но зато росли самые редкие и самые ценные травы, водились невиданные животные с невероятными свойствами. Легко смирившись с подобной аномалией, люди вовсю пользовались дарами странных земель. Вся зона по периметру была усеяна сестринствами и братствами. Травницы и охотники – добытчики ценного сырья, желанного для всего остального мира. Но мало кто рисковал заходить слишком далеко вглубь. Взрыхленные горы, запутанная система рек и водопадов, тупики, вечные обвалы затрудняли передвижение по Белым землям. Оттого чувствовали себя вольготно здесь только дикие грозные звери. И чем дальше вглубь земель – тем острее ощущалось, что Белые земли принадлежат не людям, а хищникам.

Джантар не первый раз ходил в Белые земли. Правда, ни разу не забирался дальше трех дней пути. Не было в этом нужды. До сих пор. Теперь, после Тишинки, он с друзьями планировал пробираться дальше. Ибо цель его находилась гораздо глубже. Правда, до появления Николь Джантар планировал зайти в земли восточнее и пройти через приют охотников в надежде найти там проводника. Не для защиты. Надеялся найти того, кто поможет пройти по неизвестному краю быстрее. У таких, как Джантар и его друзья, нет серьезных врагов в Белых землях. Потому и подошел к ним староста.

Джантар оглянулся на Николь. Она так робела перед ним. Нестерпимо хотелось подойти, встряхнуть, наорать или сжать в объятиях, зацеловать. Лишь бы перестала смотреть так… Словно он враг. Лицо Акины всегда светилось от любви, когда она смотрела на Джантара. Но не теперь. И можно сколько угодно повторять себе, что это Николь, все равно было больно.

Если неизвестный затеял подобное подселение души в его сьяринту, чтобы отвлечь его, у него почти получилось. В другое время он бы обязательно поддался. Бросился бы использовать свой второй шанс. Джантар досадливо дернул поводья, вынуждая осла сбиться с шага. Тот лишь меланхолично мотнул головой и, практически не меняя темпа, просто переступал своими узкими копытами дальше. Тем более надо избавиться от Николь. Что-то в ней смущает и тревожит.

Джантар вспоминал утро. Он ведь сразу нашел Николь, едва только влился в рынок. Шепотки о голубоглазой доброй ведьме указывали ему путь. В первые несколько секунд он вздрогнул от мысли о том, что не слишком ли было беспечно отправлять ее одну, коль уж сам понимал, как на нее могут обрушить

все свои суеверные страхи недалекие простые люди, если она под руку попадется. Но через пару поворотов успокоился. Рынок если и перешептывался о ней, то вскользь и с добром.

А когда он нагнал ее у очередной лавки, то с удивлением обнаружил довольно щурившегося продавца, чьи поделки из кости рассматривала Николь. Какое у нее было лицо! Неудивительно, что чуткие на эмоции обитатели рынка привечали ее. Демон несколько минут любовался девушкой. Хотел было уже подойти, но испугался, что она растеряет свою безмятежность и искренний восторг при виде его.

Джантар нахмурился, ощущая себя чужим на этом празднике, нашел глазами одного из рыночных сорванцов. Поманил к себе и вручил монетку. Наказал следить за девушкой, и если что плохое случиться – бежать к выходу и доложить воину с красными кожаными наручами и волком на груди. За это дадут еще монетку. Малец щербато улыбнулся, а Демон вышел из бурлящей сказки, оставив Эйдана у ворот рынка, и ушел порталом к последней деревне у дороги в Белые земли.

Пришла запоздалая мысль, что было не слишком дальновидно брать Николь с собой после предупреждения старосты.

Глава 9

Едва заметная тропка то поднималась слегка вверх, заставляя дрожать ноги от усталости, то сбегала вниз под уклон, давая мимолетный отдых. Вокруг расстилалась безмятежная природа, напоминающая мне лоскутное одеяло – слишком ощутимы были границы между отдельными кусочками. Словно кто-то ребячливо перерезал и перепутал ровный когда-то край. Лишь сочная зеленая трава смазывала края лоскутов, заполняя собой все видимое пространство. И только голые горы избежали изумрудного плена. Торчали обломанными зубьями, толпились неровными кинжалами.

Ноги ощутимо гудели, робко прося отдыха. Но я держалась. Стискивала зубы и подстраивалась под мерный ритм сильных людей. И даже короткий привал прямо на дороге не дал ожидаемого облегчения. Я побоялась сесть – а вдруг

потом и вовсе не смогу подняться? Плотный перекус, глотки живительной воды и снова – петляющая дорога и склоняющееся к западу солнце. Джантар обронил на привале фразу, что нужно дойти к вечеру до реки. Там можно будет набрать воды, умыться и напоить животных. Поэтому я взяла себя в руки и запретила ощущать боль.

Я глупо улыбалась и старалась не сбиваться с шага. Вскоре поддерживать скупую беседу с Эйданом стало совершенно невозможно, я через силу перешла вперед и пристроилась за Рималем. Уговаривала себя, что вот еще немного – и я привыкну, втянусь. Держись, Николь, ты не имеешь права раскисать.

Над головой часто проносились стремительные стаи мелких птиц, оглашая все вокруг звонкой перекличкой, и я не сразу услышала журчание воды. А когда петляющая дорога вывела к реке, чуть не расплакалась от облегчения. Шумные дерзкие воды искрили на солнце и ворочали камни мощными плечами. С нашей стороны была небольшая заводь, словно специально расчищенная от опасных игр реки с глыбами. А напротив, на другой стороне, возвышался крутой каменный обрыв. Там, на краю утеса, столпились угрюмые ели, словно пловцы перед прыжком. И корни выглядывали хищными ящерицами из трещин скальной стены.

Сбежала вниз по пологому склону и прямо в обуви вошла в ленивую гладь заводи. И даже показалось, что раскаленные ступни зашипели от студеной воды.

От холода спряталась донимавшая меня боль, и стало так хорошо, но не надолго. Брючины намокли и прилипли к ногам, которые, казалось, стерла до самой попы. Как же они адски болят.

Какое же было лицо у Джантара, когда он увидел мои в кровь избитые ступни. Коротко ругнувшись, он достал знакомую мне жестяную баночку и велел сесть. Под всеобщие укоризненные взгляды мы ушли к большим обломкам камней, лежащих неподалеку. Кого они осуждали – меня или его?

– Это было очень глупо молчать, – вот и все, что сказал мне Джантар.

Его теплые ладони бережно втирали в кровавые мозоли мятную смесь. Глупо? Как бы не так. Я делала то, что хотела, и так, как решила. А вот он мог и просто отдать мне банку, а не сидеть передо мной на коленях и гладить мои ступни большими пальцами, смущая неуместной добротой. Я догадываюсь, что у Джантара масса эмоций на мой счет и большинство отрицательных. И забота – лишь дань Акине.

Стоп. Не хочу рассуждать. Не буду. Не стану думать за него. Мне неинтересно, как он разбирается со своими тараканами. Едва дождалась, когда он освободит мои ноги из плена невыносимо бережных ладоней, и сбежала.

Не люблю разговоры про «правильно». Идти вместе со всеми, не обращая внимания на боль, было моим решением; не потому что так правильно, а потому что я ощущала – так будет хорошо. Пусть неразумно. Умные люди, рассудительные, ученые, политики, с дипломами и степенями – они разрушили целый мир, словно безумцы. Сердце бы такого не допустило.

Лишь когда лагерь был уже разбит, и я нарезала сыр к ужину, с досадой осознала: ведь и правда поступила глупо. Хотела просто показать независимость. Что я сильная и могу. А он, вместо ожидаемого мной одобрения, лишь коротко отругал и снова показал, какая я недотепа. Оттого и злилась, что невольно наслаждалась его заботой.

Лагерь был разбит не прямо у заводи, а в рощице неподалеку, где плотные кусты скрывали нас от воды. Чтобы ночью холодом от реки не тянуло – так объяснил мне Эйдан. Между тонких стволов был натянут полог, разведен костер.

Были у них и палатки, но все планировали спать на открытом воздухе, и я не стала выделяться. Засыпая от усталости во время ужина, я едва дождалась, когда же смогу залезть под одеяло и уснуть. Тонкая, чуть ли не прозрачная ткань оказалась удивительно теплой, словно толстое ватное одеяло. Ощущая себя на печке у бабушки, я практически мгновенно вырубилась, успев лишь подумать, что, видимо, и здесь без магии не обошлось.

***

Джантар стоял на берегу реки и отламывал куски от хлеба, который до этого согревала в руках сонная Николь. Она так устала, что некоторое время просто сидела, уставившись в сгущающиеся сумерки, и качала буханку хлеба у себя в ладонях, не замечая ничего вокруг. Ведь так не бывает, что еда из ее рук кажется другой?

Стряхнув крошки с ладоней, он вернулся к лагерю. Не стали ставить палатки, так как неизвестно до сих пор, что же происходит на дороге в Тишинку. Он распределил между собой, Эйданом и Тахиром смены ночного дежурства, забрав себе ночную, когда темнее всего. И направился к остальным под полог.

Николь легла с краю, словно отдельно от всех. Он лег рядом, отрезая ее от равнодушной ночи.

Она казалась тоньше и меньше, чем Акина. Крепко спала, обняв себя за плечи и подтянув коленки. Совершенно бессмысленно ее появление. Нелогичное, странное, ворвавшееся в его жизнь. Она бередила старые раны, будила непрошеные воспоминания. И при этом была другой. Джантар смотрел на нее и признавался себе, что раздумывать над тем, кто и зачем вызвал ее душу в этот мир, хочется все меньше и меньше. Он, конечно, составил себе план, что будет делать после того, как выполнит более важные задачи. Если выполнит…

Он повернулся к ней спиной. Что будет рациональнее – изучить ее, разобраться в истории появления или отпустить? Забыть. И порвать нити из прошлого. Освободиться. Ведь мать всегда приговаривала, что нужно вовремя сжигать старые письма, чтобы на их место приходили новые.

Глава 10

Птицы поют так громко только ранним утром. Я вдыхала горьковатый аромат еловых веток, служивших мне периной, и разглядывала знакомую сложную прическу с бритым затылком.

До чего же они все странные. Одновременно сдержанные и эмоциональные. Уравновешенные и в то же время остро реагирующие, причем не там, где бы это

сделала я. Так, словно они кучу эмоций держат под крышкой, и случайные события становятся последней каплей, вызывающей спускание пара. Ртутные шарики, ускользающие от попыток их понять.

Представляю, какая шумиха бы поднялась в моем прошлом мире при появлении кого-либо из другой реальности. А они словно каждый день видят пришельцев, хотя я уже узнала, что это вовсе не так.

– Почему же вы так спокойно отреагировали? – спросила я вчера по дороге у Эйдана.

– Ты не опасна… – Он пожал плечами, словно я глупость спросила. Словно в их мире столько чудес, что подобным не удивишь. Похоже, все окружающее для них делится на опасное и неопасное. На свое и чужое. На врагов и друзей.

Матовый свет утра проникал под полог. Вчера в дороге мелькнула мысль, что здесь наверняка другие звезды, но к вечеру так устала, что никаких сил не было ждать, когда же ночь распахнет свой подбитый искрами бархатный плащ. Я улыбнулась в предвкушении: не в этот раз, так в следующий – звезды нового мира никуда от меня не денутся.

Аккуратно выползла из-под полога и под внимательным взглядом Тахира, дежурившего у вялого костра, взяла чистую одежду и полотенце. Ушла к реке. Хорошо, что из-за кустов меня не видно. Разделась и с головой окунулась в мягкую воду. Ноги не болели, и ступни блестели здоровой кожей. Все-таки правильно я сделала. Они не потеряли из-за меня темп, а я с утра снова готова к пути.

А потом стояла и ждала, когда капельки воды высохнут на коже. Полотенце лежало рядом, но было так приятно ощущать, как ветер собирает сухими губами речные брызги с моего тела, прохладными пальцами гладит по лицу. Вода и ветер. Этим утром я отдавалась им без всяких уговоров. Впускала в себя, купаясь в умиротворении.

Почти не вздрогнула и не удивилась, когда, обернувшись, увидела на пригорке у кустов Джантара с полотенцем в руках. Сама виновата. Отвернулась обратно и спокойно продолжила разглядывать утес. Мне все равно. Черт, мне не все равно, но пусть он думает иначе. Зарывалась пальцами ног в колючий песок и считала

удары сердца, шумевшие в ушах. И только я захотела посмотреть, не ушел ли он, что было бы прилично, как рядом со мной упала на землю охапка вещей, а перед глазами мелькнули мужские ягодицы. Обнаженный Джантар пробежал мимо и с разбегу нырнул в воду, снеся с меня всякую видимость невозмутимости. Я аж задохнулась от острой смеси смущения и возмущения. Да как он посмел!

Как ошпаренная, подхватила свою одежду и прижала к груди. Мощным гребками он вспарывал ленивую воду, удаляясь от берега и даже не оборачиваясь.

Аж головой тряхнула: ну вот что на меня нашло? Доигралась?

Торопливо оделась в чистые одежды, стараясь не смотреть в его сторону. Уши горели от непонятного стыда.

Короткий завтрак, едва слышные переговоры мужчин. Я срывала незнакомые цветы и подносила к лицу, пытаясь запомнить аромат каждого отдельно. Лишь бы не смотреть на Джантара, во взгляде которого мне теперь мерещилось ехидство.

И снова петляющая дорога, и снова спуски и подъемы. Поля и рощицы, обрывы и мягкие склоны. Сегодня идти было легче. Словно земля стала мягче. Мы удалялись от реки, чтобы выйти к ней снова уже к вечеру и пересечь беспощадные воды по мосту.

На привале я подхватила сыр с куском хлеба и отошла в сторонку. Уселась на выступающий валун и с наслаждением вытянула гудевшие ноги. Вокруг стрекотали невидимые кузнечики. Тяжелое солнце давило на плечи. Тело отзывалось щекочущими каплями пота, которые тут же срывал шаловливый ветер, бесстыдно проникающий сквозь одежду. Я рассматривала поле, простирающееся по правую руку, и прикидывала, хватит ли мне сил нарвать охапку цветов и сплести венок. Всегда о таком мечтала, и, кажется, не было в прошлой жизни у меня для подобного ни одной возможности.

Мои спутники тоже отдыхали молча. Оттого слишком неожиданным стал напряженный голос Джантара, прошелестевший в такт шумевшей траве:

– Тахир.

– Вижу, – так же тихо ответил тот.

Я не успела понять, о чём они, как шершавая знакомая ладонь накрыла мой рот, предупреждая вскрик, а вторая стиснула поперек талии, прижимая к напряженной груди спиной.

– Тихо, – едва слышные слова коснулись моего уха. Я неловко дернулась и замерла, пытаясь понять, что происходит.

Если не считать теплого дыхания, шевелящего волосы на моем виске, всё вокруг словно онемело. Ни звука, ни шелеста, Рималь, Талиса и Эйдан неслышно опустились на корточки. Их кожаная одежда, скрипучая и жесткая на вид, не издала ни единого шуршания. Я моргнула и перевела взгляд на Тахира. Наклонившись над высокой травой, он медленно вытащил стрелу из-за спины. Куда исчезло его вечно насмешливое гадливое выражение лица? Прищуренные глаза, сурово поджатые губы. Я попыталась проследить за направлением его взгляда, но соседний склон через небольшой высохший овраг был совершенно пуст.

Качалась безмятежная трава, пожелтевшая от солнца, да у подножья рос невысокий кустарник. Солнечные лучи, между редкими облаками, высвечивали небольшие валуны, выглядывающие сквозь белесый дерн. Склон как склон.

– Третий камень, слева от кустов, – голос Джантара был так тих, что по шее мурашки побежали. Словно я не по воздуху услышала невесомые слова, а телом, прижатым к его груди.

Я сразу нашла глазами место, на которое он указал, но понадобилось несколько ударов сердца, чтобы различить зверя, застывшего в тени валуна. Огромная кошка на полусогнутых лапах ловила усами воздух. Я жадно разглядывала невероятное создание. Кошка мягко переступила на лапах, и под шкурой пробежала тягучая волна от мощных плеч до самого кончика длинного хвоста.

Я с восторгом представляла, какой, должно быть, шелковистый мех у дивного зверя, а справа смазанным движением Тахир распрямился и выпустил стрелу. Свистнула тетива, превращая дальнейшее в единый кошмар длиной в один удар похолодевшего сердца. Пятнистая кошка успела в последнее мгновение отвернуться, и стрела глубоко вошла в основание хвоста. Раздалось

пронзительное сдавленное шипение. И тут же оба зверя – Тахир и хищник – сделали выпад навстречу друг другу в навязанной борьбе. Молниеносный прыжок через овраг в нашу сторону. Стрела, стремительная выпущенная вслед за первой. Раненый зверь в этот раз был не так ловок, и вторая стрела вошла в брюхо. Но кошка словно не ощущала засевшую в теле смерть и сделала еще несколько прыжков вверх по нашему склону… Еще две стрелы – и восхитительное создание замерло в нескольких шагах от тропы. Неловко распластанные лапы, последние судорожные вздохи. Потускневший взгляд желтых глаз, казалось, смотрел прямо мне в душу.

Я с ужасом пискнула, вырываясь из рук. И едва не упала, так резко отпустил меня Джантар. Со слезами на глазах я чуть не бросилась на Тахира:

– За что?

А он обернулся на меня, и я впервые увидела на его лице чистый отблеск тающего гнева. Не циничная гадкая ухмылка, не липкий оскал – холодное лицо и заострившиеся скулы. И я вдруг ощутила, что он не испытывает ни малейшего удовольствия от убийства.

Я растерянно оглянулась. Они не забавлялись. У каждого в руках было обнаженное оружие, на лицах застыла сосредоточенная готовность. И я снова посмотрела на мертвого зверя, секунду назад нюхающего ветер. А теперь этот ветер бестолково взрыхлял мех и терся о безжизненную морду.

– За что? – непослушные губы повторили бессмысленный вопрос.

Серьезный Тахир подошел к неестественно вытянутой кошке и присел перед ней. Достал тонкий кинжал и принялся что-то резать под челюстью.

Я едва сдержала рвотный порыв. Отвернулась.

– Она подранок. Ее изгнали из стаи. Видимо, она обосновалась недалеко от тропы и стала людоедом. Возможно, из-за нее и пропадали путники.

Джантар стоял рядом, не касаясь меня, и тихо рассказывал. Ирлисы – огромные кошки, обитающих только в Белых землях. Родственники ирбисов, да только с

ядовитыми клыками, и живущие глубоко в безлюдных землях стаями. И как нам повезло, что ветер дул в нашу сторону, и ирлис не успел нас обнаружить.

Я все понимала, но это не спасало от слез. Зверь, изгнанный из стаи в края, где нет для него достойной добычи, стал опасен. Но все равно было нестерпимо жаль эту первозданную красоту, лежавшую теперь уродливым меховым кулем.

Джантар меня схватил, чтобы я нечаянно не спугнула ирлиса, который в здоровом состоянии способен был за секунду долететь до нас в несколько огромных прыжков и напасть. Они бы в любом случае справились со зверем, даже напади тот внезапно. Но ирлис мог кого-нибудь поранить.

– От ее яда обычные люди падают практически замертво, да и мы не сразу оправляемся.

– А разве вы не обычные люди?

На мой вопрос все вдруг насмешливо фыркнули. Да что же это я? Сама столько раз подмечала, как они отличаются от других, и ни разу не сделала следующий шаг в своих рассуждениях.

– А я?

– Хотел бы я знать ответ на этот вопрос, – медленно проговорил Джантар, не сводя с меня своего тяжелого взгляда.

Интересно, он тоже стоит и раздумывает, как бы я отреагировала на яд? Ведь Акина была как они. Но я…Почему-то мне кажется, что я другая. Похоже, к той веренице вопросов, что зреет в моей голове, добавился еще один: чем же они отличаются от обычных людей.

– Держи, – сбил меня с мысли Тахир, протягивая склянку из толстого мутного стекла в обвязке, – только аккуратнее, там яд.

Я вопросительно подняла на него глаза. И его удивительно чистое лицо снова заволокла пелена брезгливости и цинизма. Он насмешливо наклонил голову:

– Не благодари. Будет чем задобрить травниц.

И все равно я прошептала «спасибо», неловко удерживая в руках маленькую бутылочку, внутри которой едва заметно перетекала вязкая жидкость. Список нелепых вещей, которые лежат в моей сумке, пополнился.

– Рим! – крикнул Тахир, отойдя от меня. – Пробегись по склону, где-то рядом должна быть лежка.

Рималь, благодушной тенью шедший внутри нашего отряда, легко сбежал по склону, перепрыгнул через овраг и принялся зигзагами исследовать противоположный холм. Интересно, а он какой? Как они, или как обычные люди? Я надеялась в дороге поговорить с ним, но как-то пока не сложилось.

Подошла к осликам, дремавшим позади кустарника. Удивительно меланхоличные животные, безразличные к окружающему миру. Словно на каком-то этапе эволюции они начисто избавились от эмоций, как от лишнего элемента. Джантар боялся, что я спугну ирлиса, но никто даже не дернулся в сторону осликов. Те, и правда, все время либо застывают сонными изваяниями, либо монотонно переступают узкими копытами по дороге. Бесцветные носильщики.

– Рим! – снова крикнул Тахир и вскинул лук. Я обернулась и с ужасом увидела, как он неотвратимо натягивает тетиву и выпускает стрелу прямо по тонкому юноше. Я даже дернуться не успела, как Рималь широко улыбнулся и в тот же момент скакнул влево. Мелкие камни брызнули из-под его ног. Он еще не успел поймать равновесие, как Тахир выпустил уже следующую стрелу, вынуждая мальчишку снова уворачиваться.

– Поднимай стрелы, Рим! Не филонь!

Я просто обессилено опустилась на камень, не в силах подавить ужас. Ведь только видела, как легко подстрелил Тахир стремительного и мощного зверя – что ему мальчишка, цепляющийся руками и ногами за склон. Кусала губы и уговаривала себя – это всего лишь игра. Надо бы отвернуться, но напряженно смотрела и раз за разом с облегчением выдыхала, когда Рималь уворачивался от очередного летящего острия. Ловкий, он словно плясал, не забывая поднимать торчавшие из травы стрелы. Не сразу заметила, что Тахир нарочно берет другие

стрелы – они летели как будто медленнее.

Всего лишь игра. Я судорожно вздохнула и постаралась успокоиться. Игра для снятия стресса, вдруг дошло до меня. Я знала, что на дороге есть неведомая нам опасность, но безмятежно шла, а они были готовы каждую секунду ее встретить лицом к лицу. Я и не замечала, в каком напряжении они находились. Кто знает, может, потому что в их отряде была такая обуза, как я. И теперь они спускали накопившийся пар. Тахир как разведчик отвечал за отряд. Сутками бегал вокруг нашего маленького каравана, словно не знал усталости.

– Расслабься, это их любимая забава, – похлопал меня по плечу Эйдан.

«Игры и смерть, как же у вас все намешано», – подумала я, стараясь не смотреть на бездыханного ирлиса. Для меня первая стрела, выпущенная Тахиром, означила конец безмятежности, а для них наоборот – конец напряженности.

Глава 11

Мы остановились на краю ущелья. Где-то глубоко внизу рокотала непокорная река, с которой расстались вчера утром. Высоко, в самом зените, стояло солнце. В нескольких метрах от нас виднелся другой берег с темными елями. Я, Джантар, его друзья и даже солнце и ели – все одинаково вглядывались в темнеющую пропасть, рассматривая искрящееся тело дикой реки. А та красовалась, плясала на мокрых камнях, пенно извивалась и уносила свои воды прочь, к новым зрителям.

Выйти к ней мы должны были еще вчера вечером, но наткнулись на обвал. Через пару часов после встречи с ирлисом горсть камней, брошенная неведомым гигантом, перекрыла узкую дорогу. И небольшой участок пути превратился в утомительную возню. Лишь бы смогли пройти наши серые равнодушные носильщики. Но как ни торопились, как ни старались – ночь легла на наши грязные плечи, когда до моста было еще далеко.

Дорожная пыль, казалось, забилась под одежду и тонкой противной пленкой размазалась по телу. Саднила содранная кожа на руках, болели нечаянные

ушибы.

А в конце пути – скромный ужин уставших людей. Без особых разговоров и сидения у костра. Тревожный сон, где мне виделось, как Тахир все быстрее и быстрее выпускает стрелы по прыгающему Рималю. Вчера лишь к вечеру до меня дошло, что ирлис несся прямо на нас с целью убить. Не поздороваться, не покрасоваться. Убить. И Тахир всего лишь напал первым. Мне так было жаль той безмятежности, когда я видела лишь небо, траву, цветы и верила, что в этом мире нет места для сражений. Глупая.

Судя по недовольному виду Джантара, в его голове существовал какой-то график, и мы из него выбивались. Оттого он поднял нас ни свет ни заря, чтобы после короткого завтрака снова двинуться в путь. Дорога до ущелья слилась в одну пелену. Она медленно, но неуклонно шла наверх и больно била по пяткам. Трава теряла свою изумрудную сочность, съеживалась до редких кустов между валунов, покрытых лишайником. И лишь небольшие пятна цветущего вереска украшали выбеленный солнцем край.

Я стояла на краю обрыва и ощущала, что еще шаг – и упаду в бурные воды, которые безжалостно размажут меня о камни. Не потому что река злая, или я неловкая. А потому что снова я источник проблем, и мне постыдно хотелось сбежать от угрызений совести.

Мост был разрушен.

Две пары колонн по обеим сторонам ущелья словно махали друг другу поднятыми руками. А между ними на ветру полоскались обрывки тросов.

Не я разорвала канаты, связывающие два берега, но из-за меня мы стояли теперь на краю ущелья. Злое бессилие и чувство вины.

Мои спутники коротко переговаривались, решая, что лучше: возвращаться назад и порталом перемещаться в другую точку захода в Белые земли, или спускаться вдоль реки до Верхнего брода и терять несколько дней на обход.

Нет никаких гарантий, что другой путь не окажется таким же разрушенным – Белые Земли, как я поняла, славились неожиданными сюрпризами на дорогах, но там был приют охотников, и был шанс, что они содержали дорогу в лучшем состоянии. Вот только это означало, что меня бросят в первой попавшейся деревне. И я трусила. Лучше идти с ними по неведомому краю, чем пытаться найти свое место среди чужих людей.

Вчера утром, когда сворачивала одежду Джантара вместе с жилеткой Акины, поняла, почему так долго не хотела их снимать и почему меня так приветливо встретили на рынке – сложная вязь синей ниткой по краю, мудреные руны на предплечьях, замысловатое тиснение на спинке. Ритмичные узелки и вышивка тонкими полосками кожи по коже. Точно так же выглядела одежда моих спутников. Не простых людей. И, видимо, меня приняли за такого же не человека. Сложно было не догадаться, что они все здесь на особом положении. Одежда Джантара была для меня защитой. Кто знает, как примут меня люди без столь серьезных знаков?

Я пнула мелкий камешек, и он полетел вниз. Если и был всплеск от его вхождения в воду, то все звуки поглотила ворчливая река.

Джантар не скрывал своего раздражения и все же решил продолжить путь вперед до травниц. Незаметно для всех я вздохнула с облегчением. Демон коротко отдал приказ возвращаться караваном назад, чтобы дойти до едва заметной развилки, уводящей влево. А сам остался с Тахиром на краю. Я оборачивалась несколько раз, пока позволяла видимость: Тахир запускал стрелы с привязанными концами веревок на тот берег. Видимо, они оставляли подспорье тем, кто потом будет восстанавливать мост.

Ранний подъем, высокий темп, заданный Джантаром, переживания из-за разрушенного моста, извилистая и тяжелая тропинка, ведущая вниз. Я была измочалена. Моя показная бодрость и желание быть им равной давали сбой. Сложно быть веселой и болтать о пустяках, когда единственная четкая мысль в голове о привале и теплом одеяле. Поэтому я не сразу заметила, куда вывела нас тропка, круто спускающаяся вниз. Долина, спрятавшаяся между невысоких гор, хранила остатки древних жилищ. Брошенное давным-давно поселение с развалинами каменных печей. Тоненькие березки росли между разрушенными до основания стенами. И мы решили на ночевку остаться здесь, хотя был всего лишь ранний вечер.

После ужина мне захотелось побродить. Удивительно, но этот призрак деревни отчего-то вызывал у меня воспоминания о бабушке. Она жила далеко от нас, в краю, где из каждого окна видны горы, стоящие над облаками. Она заплетала мне много косичек и учила печь лепешки в огромной каменной бочке. И я не могла отделаться от мысли, что эти печки слишком похожи на те, из детства.

Я забрела почти на самый край деревни и, наконец, обнаружила почти целую каменку. Сорвала упрямый дерн, примяла настойчивые ветки тонкого кустарника и открыла вечернему свету вполне крепкую печь. Заглянула внутрь – ну точно! Высокий свод над очагом так и просил огня и сдобного тепла.

– Николь? – вырвал меня из фантазий сердитый голос Джантара.

Он высился надо мной мрачной горой. Уставший мужчина, вынужденный возиться с нелепой чужачкой. И мне нестерпимо захотелось сделать для него что-нибудь доброе.

– А хочешь, я тебе лепешек испеку?

– Тут? – в его холодных глазах на долю секунды мелькнул усмешка. – Пойдем, уже темнеет.

Он кивнул головой в сторону лагеря и, не оборачиваясь, ушел. С досадой я стукнула ладонью по старому камню. Ну что же я, право, глупости какие говорю. Совсем забыла, как долго топилась печь, как с утра пыхтело тесто под полотенцем. Долгий процесс, отпечатавшийся в детской памяти лишь самым кончиком, когда к стенкам подготовленной печи уже прикреплялись раскатанные лепешки. Ах, как же чудно потом пахла хрустящая корочка, обжигающая пальцы.

Тряхнула головой и вернулась в лагерь.

Изо всех сил улыбалась людям, расслабленно сидевшим вокруг костра. А внутри ворочалась неуместная грусть. Сколько ни старалась, никак не могла вспомнить лицо своей бабушки. Помню руки, сгорбленную спину над столом. И больше ничего. Мое прошлое напоминало это заброшенное селение. Бесполезные руины памяти.

Я бросала в костер мелкие веточки, заставляя огонь искрить. Наблюдала, как хрупкие рыжие лепестки взлетали к сереющему небу, и подумывала, а не лечь ли спать, когда ко мне вдруг подошел Джантар. Он сел рядом и, наверное, с минуту молчал, не сводя с меня своего тяжелого взгляда, прежде чем спросил:

– Ты все еще хочешь испечь мне лепешек?

Я закивала часто-часто, боясь словами вспугнуть теплый миг. Не спросила, как и где. Подхватила выданную плошку муки, плеснула воды. Я помогала немного с готовкой еды и знала, где что лежит. Соль, масло. Наткнулась на собственную сумку – я же совсем про нее забыла. Отцепила ее от поклажи и принесла к костру. Я не знала, что внутри каждого мешочка, и уж тем более, куда стоит использовать. Но нежно развязывала тесемки и знакомилась с густыми пряными ароматами. Вот это, пожалуй, к мясу будет хорошо. А это к салату… И вдруг из одного мешочка пахнуло знакомым терпким запахом, от которого голова закружилась. Не задумываясь, щепотку кинула в тесто. Я же для Джантара делаю, а запах мне так его напомнил. Острый, злой, обжигающий. И меда сладкого, совсем чуть-чуть, из баночки с восковой крышкой. И немного черных, по запаху напоминающих кунжут семян, наполненных смехом из детства.

Тесто льнуло к рукам. Тугое, как мои попутчики. Доброе, как солнце, последними лучами машущее из-за горизонта. Послушно мялось в руках, а я всё вспоминала его теплые шершавые ладони, и заботу, сдержанную, скупую и одновременно такую щедрую. И вкладывала в тесто всю благодарность, всю нежность, которая рвется из меня, да отдавать пока некуда.

И хорошо так стало. Вся грусть ушла. Я сидела и медленно мяла тесто, пытаясь угадать, где же будет та печь, в которой потом лепешки будем румянить. Но Джантар меня удивил – ушел сначала к кустарнику и долго придирчиво перебирал ветви. Вернулся с охапкой сырого хвороста, а потом сел напротив и начал выстругивать из них палочки. Длинные, прямые, они издавали терпкий свежий запах, когда с них снимали кору. Я все еще не понимала, как эти палочки помогут испечь лепешки, но улыбалась и терпеливо наслаждалась моментом.

Оказалось все просто – из теста катались крошечные лепешки, а потом оборачивались вокруг прутков. Словно шашлык на шампуре. Закутанные в тесто прутики мы разместили над тлеющими углями. Оставалось лишь их поворачивать понемногу, чтобы бока одинаково румянились.

Постепенно наш лагерь в сгущающихся сумерках начал обволакивать восхитительный запах.

И как же было здорово срывать руками обжигающие лепешки смешной формы, разламывать их и вдыхать добрый, насыщенный запах. Я шипела, смеялась, но не могла дождаться, когда они хоть немного остынут. Дула и дула, а после предложила Джантару. Я не сомневалась, что получилось вкусно. Тонкие, хрустящие, как и положено лепешкам без дрожжей.

Джантар не стал их брать. Не сводя с меня задумчивого взгляда, обхватил мои руки и притянул к себе. Наклонился и взял губами теплые куски прямо с моих ладоней. От смущения я не знала, куда глаза девать. И показалось, что все вокруг исчезло.

Неловко вытащила свои руки. Отвернулась, чтобы не видел моих пунцовых щек, и принялась счищать остальные лепешки. Мне почудился едва слышный смешок с его стороны. Вздрогнула от странного томительного ощущения и подскочила на ноги. Ну, где же все, почему не бегут на запах готовых лепешек? А все разошлись по своим делам, Талиса и вовсе ушла на реку. Темнел ее силуэт на фоне молочной заводи. Не глядя, я всучила по несколько кусков слегка удивленным мужчинам и с остатками пошла на берег к одинокой фигурке. Такой вечер хороший, что же она одна? Ветер мягко лежит на долине и почти не шевелится, и даже речка как будто присмирела. После долгой работы с тестом меня переполняла пьянящая энергия, хотелось петь, плясать или хотя бы просто дружно сидеть у костра. Я подошла к Талисе и протянула кусок побольше.

Она дернулась и посмотрела на меня так зло, что я даже растерялась.

– Ну, ты и дура, – вдруг произнесла она и схватила лепешку с моей руки. Отвернулась и снова стала смотреть на реку. Медленно щипала слоистые кусочки, кроша лепешку на землю.

***

Джантар прислонился к стволу дерева и отломил новый кусочек от последней остывшей лепешки. Он любил ночные дежурства, когда вокруг разливается тишина. После вечерних посиделок все расслабленно спали под пологом.

Какая же она восхитительно вкусная. И так напоминает дом.

Николь. Совсем ведь не понимала, что творит. Он в очередной раз убедился, что она совсем из другого мира, где не месят тесто для мужчины и не кормят с рук, когда хотят любовь показать и себя предложить. Он сразу это понял, а вот остальным понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Девушка, которая пекла лепешки для конкретного мужчины, вдруг понесла их всем остальным. То-то озадаченные были у них лица.

– Джан, для нее это ведь ничего не значит, – подошел к нему нахмуренный Эйдан, отряхивающий руки от крошек.

– Знаю, – усмехнулся Джантар ему в ответ.

– Объяснять ей будешь?

– Не хочу портить вечер. – Джантар хлопнул Эйдана по плечу. – Это просто еда.

И принялся наматывать следующую порцию лепешек на прутья.

От вечернего нечаянного пиршества осталась последняя лепешка, да и та быстро таяла в его руках. Сложно было объяснить, но нехитрая еда, приготовленная на углях, так остро напоминала стряпню матери, что размягчались внутренние узлы. От домашней еды теплело в вечномерзлом углу души, где таилась темная сущность. И такое же ощущение временного освобождения от непрестанной внутренней борьбы, что шла в каждом носителе драконьей крови, возникало от еды, приготовленной руками Николь. Словно внутренний зверь затихал, засыпал ненадолго, давая отдых уставшим нервам.

Глава 12

Я шла к реке мыть руки. За ночь в расставленную сеть Тахира попалась рыба, и я с утра помогала ее готовить, смазывая разделанные кусочки смесью масла и соли. После вчерашнего вечера стена колкого отчуждения, припорошенная вежливостью, между мной и остальными стала подтаивать. Эйдан к лепешкам заварил крутой пахучий чай. Мы сидели у костра под звездным небом, держа дымящиеся чашки, и болтали. Так легко и так просто, словно знакомы друг с другом много лет. И я быстро ощутила – вот оно, время для вопросов. От меня не отмахнутся, а я готова слышать. И первое, что спросила, едва все отсмеялись очередной шутке, – что значит «необычные люди».

– Много столетий назад, когда люди, словно младенцы, еще ничего не знали о мире, жили на берегах рек в соломенных хижинах и ели рыбу, с неба к ним спустился уставший и опечаленный бог-дракон, – начал рассказывать Эйдан, прожевав очередной кусочек лепешки. – Несокрушимый владыка небес предстал перед жителями потускневшим, словно старая медь. В черной бороде прятались жестко поджатые губы, а лоб перечерчивали морщины. Люди приветили грустного бога, одарили всем, чем владели, щедро накормили и напоили, а после разместили в лучшей хижине. Но что дракону скромные радости простых смертных? Лишь шумно вздохнул он и скрылся в хижине. Бог жаждал иного и хотел получить желанное добровольно.

Расстроенные мужчины собрались в доме совета и стали обсуждать, чем же они могут развеселить почитаемого гостя. Ведь тот не случайно пришел в их становище, а значит, именно им нужно найти способ разжечь огонь радости в груди потускневшего бога. Всю ночь просидели они в круге, бесконечно перебирая варианты. Всё казалось недостойным.

Тем временем собрались в соседнем доме девушки того селения. Они не стали обсуждать, как развеселить бога. Будущие женщины, они видели в нем мужчину и знали: единственное, что могут подарить ему – женскую нежность. Доброту и ласку.

Пока мужчины сердито трясли бородами, девушки бросали жребий. Не корысти для, не из тщеславия, не ради народа, а из желания подарить тепло тому, кто когда-то, давным-давно создал их мир. И та, которая вытягивала длинную соломинку, убегала в хижину к богу.

Чернобородый великан с улыбкой встречал каждую. Принимал ласку и нежность и щедро одаривал в ответ. Семь прекрасных юных жемчужин познавали

неизведанное удовольствие в его руках, а он терпеливо ждал одну-единственную. Лишь когда в восьмой раз отворилась дверь хижины, к нему пришла она: нежная, как лепесток лилии, чистая, как рассвет, красавица Ани. Ради нее дракон спустился с неба.

Больше не вышла из хижины девушка, не отпустил бог ту, чей огонь сердца вторил его душе.

Мужчины, за всю ночь так и не нашедшие решение, покаянно пришли к хижине с утра, чтобы вымолить прощение у дракона. А тот вышел к ним, держа Ани за руку, сияющий, словно солнце на небесах. Поклонился он жителям деревни, поблагодарил за щедрые дары и, приняв истинное обличие, улетел на небо вместе с избранницей. Лишь выжженный круг остался после него на площади.

А через девять месяцев у семи дочерей народа родились сыновья. Сыновья бога дракона. Ладные мальчишки с рыжинкой в черных волосах.

Через четырнадцать лет в рослых и сильных парнях проснулась кровь бога. Спустился тогда их отец и научил справляться с обретённым внутренним зверем. Вот как отблагодарил бог дракон людей, подаривших ему самое ценное – оставил им защитников, равных которым нет во всем мире. На голову выше остальных, мощные, сильные и мудрые. Ибо только умный сумеет удержать в узде внутреннего зверя. А когда исполнилось сыновьям двадцать один год – в третий и последний раз явился бог-дракон. Вернулся он с сыном от нежной Ани и оставил над людьми императором. А братьев его собрал в Совет Семи.

С тех пор восемь сыновей дракона и человеческих женщин стали править людьми.

Я грела руки об чашку с ароматным чаем, жмурилась от удовольствия и смотрела на незнакомую россыпь звезд. Как это нормально – слушать сказку у костра. И как это невероятно, что сказка была почти былью. От тех семи мальчиков потом пошли великие Семь Родов, чьи предки до сих пор заседают в Совете их страны. Джантар, оказывается, входит в один из тех родов. Мрачный мужчина – пра-пра-пра…пра-внук дракона. Я совершенно не могла воспринять эту информацию.

От восьмого сына вел свою историю императорский род. Равный и все же чуть выше остальных. Неприкосновенный сын Неба.

А еще мне рассказали, что за многие-многие столетия отзвук дракона в крови стал тише. К тому же появились младшие ветви великих. Так что сегодня дервином, то есть носителем крови дракона, мог оказаться не только представитель Великих Родов. И даже не только среди младших родов, коих теперь несколько десятков. Тахир, мало участвующий в рассказе, едва слышно сцедил про мужиков, которые не умеют держать штаны на замке и шляются по крестьянским девкам.

Но только внутри рода знали, как разбудить в мальчике кровь дракона и как научить справляться с внутренним зверем. Чем сильнее был «разбуженный», тем сильнее он позволял становиться зверю внутри себя. Тем могущественнее становился симбиоз обычной и темной крови.

Узнала, что гладкая кожа Джантара без единого шрама – вовсе не результат тщеславия, как я думала раньше. А признак невероятно сильного зверя, который запрятан в прутьях его сердца – регенерация, обгоняющая рубцевание. Оттого и прозвали его Демон. Дьявольски страшный воин, сверкающий алыми глазами, с ранами, затягивающимися прямо в бою – наверно потрясающее зрелище…

Я долго потом не могла уснуть, перебирая собственные наблюдения и накладывая их на новую картину мира. Словно я раньше набрала горсть разрозненных кусочков пазла, а теперь укладывала в стройную огромную картину мира, наполненного странной для меня магией.

И как положено у детей, только что начавших познавать мир, один ответ породил множество новых вопросов. И я шла к реке, не в силах держать расплывающиеся в улыбке губы – такое замечательное состояние предвкушения! Не мир, а карта сокровищ.

Я замечталась и не сразу заметила, что взяла немного правее, выходя не на узкую песчаную краюху отмели, а на седые огромные камни, наваленные вдоль берега. Гладко обтесанные водой, высушенные утренним солнцем, они так и манили попрыгать по ним. Стояла перед ними и примеривалась, как вдруг услышала тонкий, на грани слышимости, звук. Обернулась. Ленивое утро, тихий ветер, стоявшие смирно кусты и нехотя машущие издалека деревья.

Послышалось, наверно. Но я прищурилась, позволяя телу сосредоточиться на звуках. Спустя несколько долгих секунд, когда я уже уверилась, что занимаюсь ерундой, по земле прошелестел снова этот неприятный писк.

Наверно надо быть непуганой дурой, как я, чтобы полезть в кусты на поиски странного звука. Только потом, когда события улеглись в сложное запутанное полотно и встали перед глазами, я могла лишь удивленно покачивать головой: а если бы опасность какая была?

Но, видимо, так надо было. Чтобы я промахнулась мимо песчаной полосы пляжа и оказалась возле густых кустов, чтобы задумалась и перестала распугивать округу шумными шагами, чтобы не успела обдумать все и полезла навстречу судьбе.

Судьба встретила меня двумя тусклыми рыжими глазами, тоскливой мордочкой и распластанными лапами. Розовая полоска языка, сухой нос в корках, свалявшаяся шерсть, проплешины… Мозг отмечал все признаки беды, а руки самостоятельно тянулись к котенку, чтобы обхватить дрожащее тельце, удивиться тонкой кожице, сквозь которую ощущались хрупкие ребра, и прижать к моей груди.

Весь мир свернулся в две сверкающие точки в маленьких глазах напротив. Котенок. Размером с крупного щенка. С безвольными лапами и хрупким телом, внутри которого тяжело и быстро бухало сердечко. Меня охватило странное оцепенение. Прижимала к себе затихшего беднягу и словно надеялась скрыть внутри грудной клетки от страшного мира. Пришла в себя, когда малыш, лизнув один раз мои ладони, принялся несколько истерично долизывать остальное. Масло с солью, и, наверно, сок рыбы. Стараясь не растрясти малыша, доползла до берега и зачерпнула воды из лунки между камней. Ощущение беды никак не хотело отпускать. В глазах щипало от совершенно непонятного чувства. Я растерянно гладила малыша по впалым бокам, кутала в одежде, шептала нежные слова.

То, что ему не просто плохо, а катастрофически плохо, поняла лишь потом, когда сидела, зареванная, на камнях, а малыш забылся тяжелым сном, словно сдался. Откуда знания, почему я так ощущаю – не могла дать себе отчета. Инстинкты, наверное. Материнские или животные. И я запела. Тихо так. Сама уже не помню что, но так поют все матери мира детям, болеющим у них на руках. И в нашем мире была только я и неизвестный малыш, доверчиво

уткнувшийся носом в мою ладонь. А я словами и простыми мотивами разгоняла уставшее сердце, уговаривала не сдаваться. Ведь я пришла, и все должно быть хорошо.

Нас нашел Рималь, спустившийся за водой, а уже через несколько минут обступили со всех сторон, загораживая солнце, и все остальные. Воздух гудел от тяжелых слов, от гневных и испуганных выкриков. Кто-то дернул меня за плечо, и я завизжала в ответ, оставляя после звенящую тишину. Кажется, даже река на время примолкла.

Я едва понимала, о чем они говорят и что хотят сказать мне. В ушах стучало и нестерпимо хотелось пить, но до ужаса боялась шевелиться. Словно одно движение – и меня вздернут с земли, отнимут маленькую жизнь, за которую я теперь в ответе.

– Николь, – Тахир опустился передо мной на корточки, – он не выживет. Слышишь меня?

Я едва узнавала его. Наверное, потому что смотрела сквозь слезы. Ни тени гадливой улыбки, ни злости, ни презрения.

– Эй, он не жилец. Там в кустах его братья уже мух кормят. Отпусти его. Ты слышишь меня? Их мать выгнали из стаи из-за больных детенышей. А может, хотели убить, да она не дала, видимо, и ушла с ними сама. Понимаешь? Она ушла из стаи ради детенышей, а как поняла, что их не спасти – ушла и от них. Это ее мы встретили пару дней назад. Николь, даже мать от них отказалась, сдалась. Потому что тут ничего не поделаешь. Отпусти его.

Он все говорил, говорил. Как с больной. А я и была больная. Я словно стала болеть вместо малыша. Лоб пекло, живот крутило. Но я старательно прятала на груди малыша и мотала головой. Не могу, понимаете вы все, не могу отпустить. Он же врос в меня. Да, я сама не понимаю, как. Я же дышу за него, как же смогу его отпустить.

Потом со мной говорил Эйдан.

– Николь. Это ирлис. Он вырастет в огромную зверюгу с ядовитыми клыками. Такие почти не приручаются. Даже сильные охотники не связываются с ними…

Я послушно кивала и продолжала дышать вместо малыша. Вдох-выдох под мерное журчание слов.

А потом пришел Джантар.

Я не видела его, ощущала, как он мрачно стоит надо мной и готовится. Мы оба знали, что произойдет дальше – разрушение иллюзий. Я ведь ни на секунду не забывала, кто мой хозяин. Наслаждалась жизнью, но непрерывно ощущала тонкую нить, идущую от моего горла к его рукам. И он пришел дернуть поводок, ибо я перестала делать то, что ему нравится.

– Николь, пора выдвигаться. Ты не можешь его взять с собой. Даже если он каким-то чудом выживет – он опасен. Ирлисы не подчиняются людям и, вырастая, загрызают насмерть…

Тяжелая минута молчания. Я уже слышу свист заносимого хлыста и вжимаю голову в плечи. Ну, давай…

– Николь, отпусти детеныша и иди за мной. Приказ. Выдвигаемся дальше.

Вот он – удар и раздирающая боль. Не в теле, в душе. Мои руки разжимаются, и малыш съезжает по коленкам прямо на землю. Слабый, он не сразу понимает, что происходит. Лапой цепляет штанину, пытаясь подняться. Едва слышно мяучет и требует вернуть себя в тепло и покой. А я встаю. И, не имея права даже оглянуться, иду вслед за Демоном. Тело идет, а сердце остается там, на берегу дикой речки. Руки зябнут, и меня трясет. Во рту мерзкий привкус предательства. На теле кандалы, заставляющие меня двигаться и рассыпаться одновременно.

Видимо меня очень долго пытались уговорить. Костер потушен, вещи собраны, ослики нетерпеливо переминаются в ожидании дороги. Пристраиваюсь около хвоста третьего серого носильщика. Безропотные скотины в сборе. Эйдан протягивает мне завернутый в листья кусок рыбы, но из меня вынули все кости, и я лишь равнодушно смотрю мимо еды вниз на землю. Какая, к дьяволу, рыба, если в моих ушах до сих пор стучит рваным ритмом сердечко малыша.

Вяло отмечаю, что веду себя истерично и некрасиво. Они правы, ирлис не домашняя зверюшка, да и они здесь не на прогулке. Нужно спешить вперед, а не

хороводы водить вокруг безнадежно больного малыша. Все верно, все логично и так неправильно. Я что-то ценное оставила внутри того детеныша, и если уйду – больше никогда не стану собой. Вот только мне не разрешали говорить. Да и если бы разрешили – я бы не смогла объяснить.

Лишь вздрагивала, ощущая, как малыш меня зовет. Не маму – именно меня. Хотелось зажать уши, да понимала, что это не поможет.

Последние минуты привычных сборов, и наш караван тронулся. Все шли, как обычно. Изредка поглядывали на меня. А я переставляла ноги, понимая, что еще немного – и тело разорвет между двумя струнами: одна идет к ладони Джантара, другая – к сердцу детеныша. И не станет Николь.

– Ты гляди-ка, ползет! – вдруг воскликнул Тахир, по обыкновению забравшийся на пригорок вдоль дороги, – во дает, зверюга!

Караван от его слов сбился с шага, еще немного прошел и остановился. Все развернулись, разглядывая нечто позади меня. Я же даже на это не имела права. Стояла вместе с осликами и смотрела куда-то неопределенно в землю. Как же я ненавидела в этот момент эту чудовищную связь, делающую из меня игрушку, марионетку.

Тахир сбежал с холма и присел на корточки передо мной, ловя мой взгляд. Присвистнул и обернулся к Джантару:

– Уже идет привязка, на ее глаза глянь.

Тот в несколько мощных шагов подошел ко мне. Обхватил мое лицо ладонями, жестко, причиняя боль.

– Смотри на меня, Николь, – его слова лупили по мне, словно пощечина, оставляя мерзкий привкус металла во рту и звон в ушах. Темные глаза заслонили весь мир, утягивая в омут едва сдерживаемого гнева:

– Дьявол, – выругался Джантар мне в лицо и оттолкнул. Я пошатнулась и обессилено опустилась на дорогу. Боялась оглядываться, но знала – малыш и правда полз ко мне. Я ощущала всю его боль, пыталась взять ее на себя, но не

справлялась. Вдруг Джантар вытащил кинжал и двинулся по дороге обратно, исчезая с моего поля зрения. Но я и так знала, что будет дальше – он решил убить детеныша. Воин, привыкший решать проблемы мечом. Я безропотно сидела в пыли и ждала. Ждала, когда же он вонзит клинок в мое сердце.

– Джан, это сломает ее, – вдруг раздался мрачный оклик Тахира, – они слишком сильно сейчас слиты, она не умеет еще разделяться.

В ответ раздался рык, полный гневного бессилия. У меня заложило уши: от страха, от ненависти к тому, кто позволяет мне жить лишь в строго отведенном сценарии, от ожидания смерти, которая произойдет внутри меня, как только клинок пронзит тело малыша. Тахир прав. Я слабо понимаю, что происходит, и как такое возможно, но сердце ирлиса стучит вместе с моим – часто и одновременно тяжело.

Ту-тум, ту-тум.

– Николь! – от рыка Джантара птицы вспорхнули с ветвей испуганной стаей.

Я обернулась, едва различая его сквозь слезы. Он ни слова больше мне не сказал, его ноздри раздувались от бешенства, как никогда остро я ощущала, что он готов мне шею свернуть. Но вдруг давящая сила, заставившая меня бросить ирлиса, исчезла. И я не стала ждать, когда он передумает, едва слышно пискнула:

– Спасибо. – И бросилась обратно по дороге к едва видному распластанному комку шерсти.

Малыш последние силы отдал в попытке меня догнать. Я отвернулась от него, бросила, а он все равно полз за мной. Не чуя под собой земли, не обращая внимания на натруженные ноги, летела к моему маленькому комку счастья, а когда подняла безвольного малыша – разрыдалась от облегчения. Ирлис тихонько лизнул меня шершавым языком и затих. Даже глаза не открыл. Чудо ты мое.

Обратно возвращалась под тяжелыми взглядами. Им не понять. Я больше не одинока.

Следующий переход практически не отложился в памяти. Я смотрела по сторонам лишь с одной целью – следить за дорогой, чтобы не упасть. Все мое внимание было на малыше, тяжело дышавшем в моих руках.

Стена между мной и остальными, подтаявшая вчера от лепешек, выросла в удвоенном размере. Просто я перестала быть неопасной. Пока была игрушкой, удобной и забавной, не переступающей очерченные линии допустимого поведения, со мной обращались почти как с равной. А сейчас иллюзия исчезла, маски вежливости спали, обнажив недоверие, презрение, насмешку. Друзья Джантара отражали его эмоции, подчеркивая мой статус – я собственность, я игрушка. И раз хозяин в гневе, то и они вторят его едва сдерживаемому бешенству. Ведь милая игрушка немыслимо как вдруг отыскала прореху в клетке и смогла найти способ не подчиниться. Сделать все по-своему.

Никто со мной не разговаривал. Вал обиды и подозрительности настолько накрыл меня, что даже стало казаться, будто изменился темп движения. Удобный ритм, к которому я уже привыкла за несколько дней, вдруг ускорился, выбивая из меня остатки дыхания. Той самой шалью с рынка я примотала к себе котенка, боясь его уронить, а потом долго еще пыталась догнать ушедший далеко вперед караван. Никто помог. Не подождал. Лишь Тахир, бежавший по гребню холма, оглядывался на меня и сверлил тяжелым взглядом.

Я нервно хохотнула, припоминая слова Талисы о моем виде побитого котенка. Что бы она сказала о нас теперь? А, малыш?

Нужно дать ему имя. Но пусть сначала поправится. Нечего старухе смерти выдавать карты в руки.

А вот мне нужна дополнительная информация. И срочно. Кто бы мне объяснил, почему я подошла за ней к Тахиру? К самому злому и циничному из всех, кто с первой секунды показывал мне свое отношение и не менял его. Я для него шлюха с лицом Акины. Может, потому что он единственный был честен со мной? Сразу показал мне место в этом мире, а не смущал терпкой смесью заботы и отчуждения, не забывая натягивать поводок, как делал Джантар?

А может, потому что видела в нем охотника, знающего про диких зверей больше остальных.

Или все дело в том, что Тахир – единственный, кто смотрел на меня, не игнорировал?

Не знаю.

В жизни бы не подошла к нему с просьбой, если бы не острая необходимость спасти детеныша. Ведь я совершенно не знала, чем могу помочь. Ласка и нежность – это лишь верхушка айсберга. Одними поглаживаниями тут не справишься.

Подошла на привале, вздрагивая от тяжелой атмосферы.

Тахир совершенно бесцеремонно подхватил малыша и стал крутить. Я чуть не заорала на него, мне казалось, он его просто сломает. Но терпела, кусая губы. Он вернул его мне и вздохнул:

– Без понятия, на чем еще душа держится. Может, и на вашей привязке. Не мучила бы ты его, отпустила. Не вытащишь, да и себя погубить можешь.

– Помоги, – выдавила сквозь пересохшие губы.

– Должок за тобой будет, – на его лицо снова вернулось глумливое выражение.

Я, не моргая, смотрела в его глаза. Оба ведь понимаем, что мне нечем расплачиваться в этом мире, кроме как телом. Тахир усмехнулся и кивнул, не дожидаясь ответа:

– Дотяни до вечера, я насобираю кое-чего для отвара. Попробуем отпоить. Дыши за двоих, Николь.

И он легко поднялся и ушел вперед по дороге. Бессменный разведчик, которому я буду должна. Гад, который точно знает, что сейчас происходит между мной и детенышем ирлиса. Я дышу за двоих, я иду за двоих. Так тяжело мне не было даже в первый день похода. И больше всего я сейчас боялась, что пропущу, когда крохотное сердце устанет биться.

Под молчаливое неодобрение я периодически сбегала к реке и смачивала платок, который прикладывала к мордочке малыша. У него не было сил пить, но я ощущала, как он тихонько посасывал мокрую тряпицу.

Я даже проглотила остатки гордости и подошла к Джантару за той самой волшебной мазью, но он лишь досадливо дернулся:

– Не поможет.

А потом тяжело вздохнул и спросил:

– Тебя же к травницам могут даже не пустить, ты это понимаешь? Чертова дура.

Я вжала голову в плечи и вернулась в конец нашего каравана. Я все понимаю, в этом-то и проблема. Вчерашнее детство развеялось с утренней росой. Обрушилась жизнь с ее выбором. А у меня нет правильных решений, как и у Джантара.

От этих мыслей глаза помимо воли набухали тяжелыми слезами. И страшно стало. Что же я натворила?

***

Джантар шел впереди всех и высматривал едва видную тропу к броду, заросшую за ненадобностью. Теперь стало понятно, отчего прервалась связь с травницами. Мост обвалился, и путники поворачивали налево, к Верхнему броду, а по дороге нарывались на гнездо ирлиса. Хищник обычно не нападает на людей, избегает ненужных схваток, но тут все одно к одному: лишенная стаи, с больными малышами, самка нападает на первого человека, видя в нем угрозу, и, вкусив человеческую кровь, становится людоедом.

Демон злился. На себя, на Николь, на всю ситуацию в целом. Джантар был уверен, что единственная причина, из-за чего он уступил девушке – хлеб, который они преломили накануне. В груди клокотало раздражение. Чертова девка, в очередной раз ведь смешивает все планы. Вроде ничего особого не делает, мирная, безобидная… а злость на Николь только множится. С самого

первой минуты ее появления.

А всё потому, что напоминает Акину, и при этом совсем другая. Смотрит как на врага, а потом своими поступками душу вытягивает. Муторно становится. Ведь в сердце, где после смерти Акины был ноющий изредка рубец, с появлением Николь набух болезненный нарыв. И такое либо вырезать на живое, либо выжечь. Либо убрать прочь с глаз, либо… И ведь она, как наваждение, как безумие, которому хочется поддаться, проверить – а как оно будет? Каково сжимать ее в объятьях?

Это ли не наказание богов? Понять бы еще, в чем провинился перед ними.

А она… пусть лучше смотрит, как на врага. Пусть держится в стороне, глаза отводит. И пусть больше не печет своих лепешек. Так легче.

Джантар снова оглянулся на Николь. Осунулась, взгляд потухший. Идет, еле переставляя ноги. Но молчит. Ее выбор. Хочет играть по-взрослому, пусть несет выбранную ношу до конца. А он будет нести свою – саму Николь, хоть она этого и не понимает. Не возьмут к травницам, будет искать ей другое место. Или не будет… оставит подле. Джантар досадливо скривился.

Она словно не видит границ, не видит преград. «Ничего не боится… кроме меня», – невесело усмехнулся Джантар. Взламывает реальность, а глаза такие невинные. Как вот с этим ирлисом. Откуда ей знать, что существует целая наука по привязыванию зверей к хозяину. Охотники северных гор, откуда родом Тахир, тратят многие месяцы, чтобы сломить дух обычных хищников, проще и слабее, чем ирлис. Через голод, избиение, плен, чтобы единственное, что осталось в мире зверя – рука человека, дающая и карающая. Наказывающая и ласкающая. И в конце ломается зверь. Открывает душу и сливается с хозяином. Отдает себя в вечное рабство, теряет право на собственную жизнь и свободу. Не каждый зверь идет на такое – иногда выбирает смерть вместо рабства.

Особое положение в обществе занимают охотники, получившие себе такого верного питомца.

И тут пигалица, которая ни дьявола не знает в этом мире, сходу привязывает к себе ирлиса. Ядовитого, мать его, ирлиса из Белых Земель. Кому расскажи – не поверит. И сомнений в этом нет никаких – ее прозрачные глаза полны рыжих

всполохов. Ирлис уже отдал нити своей жизни в ее руки. Нелепое стечение обстоятельств – детеныш так обессилен, что он, видимо, инстинктивно отдался Николь, лишь бы выжить. Впрочем, вокруг нее все сплошное «нелепое стечение обстоятельств».

Джантар частенько возвращался в мыслях к тому злополучному дню, когда она появилась в теле его игрушки. А может, там и нет никакого умысла? Может, задача у помощника садовника была лишь выманить Джантара взломом печатей, а попытка оживить сьяринту – его личная прихоть? Может, он решил воспользоваться поводом и вкусить недоступную простым людям ненасытность суккубы? Интересно, тогда откуда он камень души такой странный взял. Хотя чего только не продается на обычных блошиных рынках. Представить, что парень купил по дешевке никому не годный камень душ, а потом, взломав печати, решил воспользоваться моментом, было проще, чем гадать, кому понадобилась такая нелепая девчонка, как Николь.

– Ты уверен? – спросила его непривычно молчаливая Талиса.

– Нет, – ответил Джантар.

Его жизнь разлеталась на тысячу осколков, и он ни в чем теперь не был уверен.

Глава 13

Вечером был кризис. В какой-то момент мне даже показалось, что сердце замерло – на несколько секунд остановилось биение внутри малыша. Помог Тахир, сидевший рядом. Жесткий удар точно в центр хрупкого тела – и я снова подхватила рваный ритм, наполняя его всей доступной мне силой. Даже вскрикнуть не успела.

Тахир по дороге, криво усмехаясь, объяснил про привязку. Оказывается, мои ощущения, что я дышу за малыша, – вовсе не красивая метафора. Он несколько раз предлагал мне «отцепиться», «отпустить», но я упрямо мотала головой и изо всех сил представляла, как от меня идет сила к детенышу. Фантазировала и одновременно верила. Мне ли не верить в чудеса? Всю дорогу сжимала зубы и

представляла, как от меня льется нечто неосязаемое и наполняет котенка. А после кризиса явственно ощутила, что всё будет хорошо. Словно сорвала жизнь детеныша с чужого крючка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Т а т к а – служанка, женщина принадлежащая к одному из сестринских сообществ сформировавшихся по профессиональному принципу.

Купить: https://tellnovel.com/shtorm_mira/nikol-dusha-dlya-demona

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити